ПОЛОЖЕНІЕ
ЛИТОВСКАГО НАРОДА
ВЪ РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГРАФА ЛЕЛИВЫ.

ИЗДАНІЕ
„ЛИТОВСКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ОБЩЕСТВА“
въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки,
состоящаго при „Союзѣ Американскихъ
Литовцевъ.“

Печатано въ типографіи малорусской газеты «Свобода,»
въ городѣ Шамокинѣ, штата Пенсильваніи.
1896.

№ 5
М 127

Государственность и общественность въ ихъ постепенномъ сложеніи, движеніи и развитіи, при ихъ постоянномъ и неизбѣжномъ взаимодѣйствіи, образуютъ нерѣдко явленія столь сложныя и запутанныя, что должное ихъ выясненіе, всякое даже къ нимъ прикосновеніе наталкиваются на огромныя, почти непреодолимыя трудности. Въ то время какъ самые элементы подобнаго государственно-общественнаго явленія съ огромными затрудненіями поддаются расчлененію и отдѣленію другъ отъ друга, рутина общественнаго сознанія, косность общественнаго пониманія, скудость и поверхностность общественнаго самопознанія спутываютъ элементы эти въ пестрый и хаотическій уземъ, въ которомъ рѣзко выдѣляются лишь нити невѣжества и предразсудковъ, а въ то время какъ, благодаря болѣе или менѣе продолжительнымъ усиліямъ трезвой общественной мысли, начинаютъ эти элементы поддаваться отдѣленію другъ отъ друга и опредѣленію, нарастаютъ и образутся въ томъ-же общественномъ явленіи элементы новые, совершенно не укладывающіеся въ прежнія его грани и не поддающеся выработаннымъ уже опредѣленіямъ. Трудность положенія усиливается еще болѣе, если эта совершенно неизбѣжная и для общества и государства столь необходимая работа здоровой обществен-

ной мысли, встрѣчаетъ препятствія въ запретѣ свободнаго слова и открытаго сужденія со стороны правительственной власти, запретѣ, дающемъ работѣ этой совершенно неправильное и болѣзненное направленіе, которое не только сбиваетъ съ толку менѣе образованные слои общества, но и самое правительство приводитъ къ ряду заблужденій и болѣе или менѣе крупныхъ промаховъ и ошибокъ.

Къ числу подобныхъ сложныхъ и запутанныхъ государственнообщественныхъ явленій принадлежитъ несомнѣнно положеніе литовскаго народа въ русскомъ государствѣ. Какъ пресса польская, такъ равно и пресса русская, за совершенно ничтожными и весьма рѣдкими исключеніями, элементы и событія общественной жизни народа литовскаго трактуютъ исключительно какъ элементы и явленія польскаго общественнаго бытія. При этомъ обѣ прессы эти въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ въ извѣстной степени изданій петербургскихъ и московскихъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры, вовсе лишены возможности свободнаго, нелицепріятнаго и неодностороннаго обсужденія вопросовъ литовскихъ. Русская печать въ предѣлахъ Галиціи, будучи отдѣлена отъ общественнаго бытія народа литовскаго и предѣлами этнографическими, и традиціями историческими, имѣетъ свои спеціальныя задачи, поглощающія всѣ ея силы. Печати литовской по внѣшнимъ причинамъ, которыя будутъ изъяснены нами ниже, въ тѣхъ-же предѣлахъ Россіи, т. е. на всемъ почти пространствѣ этнографической Литвы, не существуетъ и существовать не можетъ, а протестантскій осколокъ литовскаго народа, волею историческихъ судебъ отгнанный въ государственное тѣло Пруссіи

черезъ чуръ малъ и незначителенъ, чтобы создать крупную и замѣтную печать литовскую. Литовская печать, народившаяся въ послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, почти не доходитъ до Европы. При этомъ литературный языкъ литовскій, находящійся еще въ періодѣ своего образованія, знакомъ лишь немногимъ спеціалистамъ другихъ націй и потому существующая на немъ печать не можетъ еще оказывать какого-либо замѣтнаго воздѣйствія на общественное мнѣніе. Печать польская и русская, существующая въ крупныхъ европейскихъ центрахъ, т. е. Лондонѣ, Парижѣ, Женевѣ, Цюрихѣ, а отчасти Вѣнѣ и Берлинѣ, страдаетъ въ отношеніи существованія и общественнаго бытія народа литовскаго тѣмъ-же недугомъ полоноскопіи, какимъ страдаютъ обѣ эти печати и въ этнографическихъ предѣлахъ Польши и Руси. Печать нѣмецкая, а равно французская и англійская, когда только приходится этимъ двумъ послѣднимъ говорить когда-либо о литовскихъ дѣлахъ, говорятъ о нихъ не иначе, какъ только о дѣлахъ „католиковъ на Литвѣ“, являя такимъ образомъ нерѣдко не первый, но для серьезной европейской печати совершенно непростительный образецъ смѣшенія народности съ религіей. Слѣдуетъ замѣтить наконецъ, что въ самыхъ предѣлахъ Литвы не существуетъ не только литовской прессы и прессы польской, но даже и печати русской, а единственный существующій здѣсь органъ на русскомъ языкѣ, оффиціальный органъ виленскаго генералъ-губернаторства, занимается спеціально — отчасти по невѣжеству, отчасти изъ угодничества — смѣшеніемъ всего литовскаго съ польскимъ, чѣмъ оказываетъ самому правительству русскому по истинѣ

медвѣжью услугу. Такимъ образомъ народъ литовскій, въ исторіи общественности и въ особенности государственности сыгравшій не маловажную роль и являющійся во всякомъ случаѣ одной изъ болѣе или менѣе крупныхъ историческихъ націй, представляется нынѣ предъ лицомъ европейскаго міра какой-то національностью совершенно малоизвѣстной и загадочной, малоизвѣстной не только въ историческихъ ея судьбахъ, но и въ современномъ ея положеніи. Между тѣмъ уже свыше тридцати лѣтъ существуетъ, развивается и крѣпнетъ литовское національное движеніе, во многомъ совершенно преображающее прежній укладъ общественнаго бытія литовскаго народа и ставящее его въ совершенно новыя отношенія какъ къ другимъ народностямъ Европы, такъ равно и къ факторамъ и условіямъ русской государственности и въ частности къ тому порядку управленія, какой сложился давно уже въ предѣлахъ такъ называемаго Западнаго края, далеко превышающаго предѣлы этнографической Литвы и сверхъ нея заключающаго въ себѣ всю почти Бѣлую Русь и значительную часть Малой Руси.

Подобная малоизвѣстность и совершенная невыясненность положенія литовскаго народа въ Россіи побуждаютъ меня взяться за перо, чтобы выяснить это положеніе, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Скромный трудъ мой предназначаю главнѣйшимъ образомъ для русскихъ правящихъ сферъ и русскаго общества въ коренной Россіи. Къ нимъ, этимъ представителямъ русской общественной мысли, русскаго общественнаго сознанія и русской общественной совѣсти, вторично обращаюсь я по предмету первостепенной государственной важности и величайшаго общественнаго зна-

ченія и если слабый голосъ мой и на сей разъ будетъ услышанъ также, какъ былъ онъ уже услышанъ по предмету [русско-полькихъ отношеній; если отсюда, изъ-за голубаго океана, изъ вольной республики американской также дойдетъ онъ до русскаго уха, какъ дошелъ изъ нѣмецкаго Лейпцига и также точно коснется здоровой русской мысли и чуткой русской совѣсти, то я буду вознагражденъ безмѣрно свыше ничтожныхъ заслугъ моихъ и осчастливленъ за народъ, которому Русь была въ свое время кое-чѣмъ обязана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ХОДЪ РУССКО-ЛИТОВСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Обращаясь къ краткому обозрѣнію историческаго хода русско-литовскихъ отношеній, считаю необходимымъ пояснить прежде всего, что подъ отношеніями такого рода разумѣются лишь отношенія между двумя народностями и тѣсно съ ними связанныя отношенія между государствомъ, созданнымъ и руководимымъ одной изъ этихъ народностей и другой изъ нихъ. Такимъ образомъ предметомъ разсмотрѣнія нашего являются: вопервыхъ, взаимоотношенія между народностями литовской и руской и вовторыхъ, взаимоотношенія какъ между государствомъ литовскимъ и народностью русской, такъ и засимъ между государствомъ русскимъ и народностью литовской. Существовавшія же нѣкогда отношенія между государствами литовскимъ и рускимъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія совершенно не входятъ, ибо отношенія между государствами существенно отличаются отъ отношеній

между національностями — какъ тѣми простыми, непосредственными, независимыми, которыя создаются сосѣдствомъ и общеніемъ, такъ и тѣми болѣе сложными, какія наступаютъ тогда, когда одна изъ національностей входитъ въ составъ государства, созданнаго другой и становится такимъ образомъ по отношенію къ послѣдней въ положеніе извѣстной подчиненности и зависимости.

Въ общемъ ходѣ русско-литовскихъ отношеній усматривается нѣсколько періодовъ, существенно другъ отъ друга отличающихся. Первоначальныя отношенія между Литвой и Русью, получившей впослѣдствіи наименованіе Малой и Бѣлой, были отношеніями чисто культурнонаціональными. Со времени присоединенія великимъ княземъ литовскимъ Гедиминомъ Западной и Южной Руси къ государству литовскому, т. е. съ 1319 года, начинаются отношенія между этой Русью, получившей наименованіе Литовской ранѣе наименованій Малой и Бѣлой и этимъ государствомъ, тогда еще языческимъ. Хотя, выражаясь фигурально, обручальное кольцо Ядвиги и Ягайла въ 1386 соединило Литву съ Полшей, тѣмъ не менѣе объединеніе это было первоначально совершенно призрачнымъ. Боярство литовское и русское первоначально относилось къ нему несочувственно и недоброжелательно и цѣлыя еще десятилѣтія послѣ него стремилось всегда избирать для Литвы отдѣльнаго великаго князя, который не былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ польскимъ. Самый актъ уніи Литвы съ Польшей, въ столь возвышенныхъ выраженіяхъ начертанный въ Городлѣ въ 1413 году, проникнутый столь высокими принципами, чувствами и побужденіями, для своего времени къ сферѣ полити-

ческой совершенно необычайными, формальный актъ, которымъ шляхта и боярство литовское „соединяють на вѣчныя времена“ свои „домы, поколѣнія, роды и гербы“ съ польскими и съ ними „сливаются братней любовью“, за что эти послѣдніе обязуются торжественно „ихъ защищать и помагать имъ всѣми силами противъ нашествія враговъ“, „не оставить ихъ ни въ какой нуждѣ и опасности“ и „развивать ихъ права и вольности“, самый актъ этотъ, для своего времени въ высшей степени замѣчательный, далеко не слилъ еще Литвы съ Польшей, что же касается Руси, то она соединена была съ государствомъ польскимъ узами столь слабыми и малозначущими, что понадобился особый торжественный актъ такого соединенія. Оно совершилось, какъ извѣстно, на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Актъ люблинской уніи между прочимъ гласитъ: „Землю Русскую и Княжество Кіевское съ изъ жителями вообще и въ частности изъ подъ верховенства Великаго Княжества Литовскаго освобождаемъ, а въ Королевство Польское, какъ въ первоначальное тѣло и какъ равныхъ и свободныхъ, включаемъ со всѣми городами, мѣстечками и селами“. Такимъ образомъ лишь съ 1569 года становится Русь западная и южная, получившая нѣсколько позже наименованіе Бѣлой и Малой, въ дѣйствительныя взаимоотношенія съ государствомъ польскимъ и притомъ во взаимоотношенія прямыя, непосредственныя, ибо вышеприведенный актъ люблинской уніи совершенно и окончательно отмѣняетъ ленную зависимость Руси отъ великаго княжества литовского. Отсюда обнаруживается, что вторымъ періодомъ взаимоотношеній между Литвой и Русью былъ періодъ съ 1319 по 1569 г.,

обнимающій собой ровно 250 лѣтъ и что періодъ этотъ былъ періодомъ взаимоотношеній между государствомъ литовскимъ съ одной стороны и народностью русской — съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется очевиднымъ, что съ 1569 года наступаютъ между Литвой и Русью отношенія чисто междунаціональныя, тѣ именно простыя, непосредственыя, свободныя междунаціональныя отношенія, которыя не осложняются, не окрашиваются и не искажаются принадлежностью одной изъ національностей къ государству, созданному и руководимому другой. Взаимоотношенія эти составляютъ уже третій періодъ русско-литовскихъ народныхъ отношеній и продолжаются до 1795 года, когда Литва входитъ въ составъ русскаго государства. Слѣдующій періодъ, съ 1795 года по 1863 годъ, представляясь четвертымъ періодомъ русско--литовскихъ отношеній, является періодъ взаимоотношеній между государствомъ русскимъ съ одной стороны и народностью литовской — съ другой. Пятый наконецъ періодъ, начавшійся съ 1863 года и продолжающійся до сего времени, представляясь точно также, какъ и предидущій, періодомъ взаимоотношеній между русскимъ государствомъ и литовской народностью, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ государственно--общественныхъ явленій столь запутанныхъ, сложныхъ и въ исторіи общественности небываныхъ, что вкратцѣ они ни опредѣлены ни даже названы быть немогутъ.

Первый изъ вышеприведенныхъ періодовъ, восходящій къ началу XIII вѣка и даже концу XII и заканчивающійся первой четвертью XIV вѣка, былъ періодомъ сильнѣйшаго культурнаго воздѣйствія Руси на Литву, въ то время еще языческую. Народъ литов-

ский, народъ юный, дикій и непросвѣщенный, выступаетъ вдругъ на арену исторіи изъ дебрей своихъ непроходимыхъ лѣсовъ и въ своемъ Drang nach Osten, до сихъ поръ еще исторической наукой въ должной степени неоцѣненномъ, вступаетъ въ столкновенія, сношенія и болѣе близкія отношенія съ Русью, стоящей уже на значительной культурной высотѣ. Вполнѣ естественно, что народъ некультурный, стоящій на первичной ступени цивилизаціи, подвергся весьма сильному культурному воздѣйствію и вліянію народа, давно уже хрістіанскаго и принадлежавшаго въ тотъ періодъ своей исторіи къ числу найкультурнѣйшихъ народовъ Европы Еще во второй половинѣ XIII. вѣка, въ то время, слѣдовательно, когда Русь Бѣлая и Малая не вошли еще въ составъ государства литовскаго, попадаются уже въ коренной Литвѣ нѣкоторые акты и сдѣлки, писанные на русскомъ актовомъ языкѣ того времени. Найвысшіе слои народа литовскаго усваиваютъ русскій языкъ и стараются освоиться съ русской письменностью.

Съ присоединеніемъ Руси къ Литвѣ въ первой четверти XIV вѣка, это культурное и просвѣтительное воздѣйствіе и вліяніе первой на послѣднюю не только не прекратилось, но наоборотъ усилилось еще болѣе. Боярство литовское и самый дворъ велико-княжескій воспринимаютъ русскій языкъ, русскіе нравы и обычаи и русскую письменность. Для должнаго уразумѣнія русско-литовскихъ отношеній какъ вообще, такъ и въ этотъ именно періодъ въособенности необходимо неизмѣнно имѣть въ виду, что напервыхъ ступеняхъ цивилизаціи и государственности у всякаго народа, религія является основной и пребладающей стихіей,

Въ то время какъ мы нынѣ можемъ и должны отдѣлять вѣроисповѣданіе отъ національности, на тѣхъ первичныхъ ступеняхъ общественности эти два различныя другъ отъ друга ея начала, впослѣдствіи съ ея прогрессомъ постепенно одно отъ другого отдѣляющіяся, представляются въ сильнѣйшей степени слитыми и другъ съ другомъ болѣе или менѣе безсознательно отождествляются. Посему принятіе христіанства по тому или иному обряду играетъ въ исторической жизни европейскихъ народовъ огромное значеніе, ибо для многихъ изъ нихъ явилось оно началомъ, на долгое время опредѣляющимъ въ степени весьма значительной самую ихъ національность, какъ она въ то время и много позже еще понималась. Съ принятіемъ и усиленіемъ русской культуры и цивилизаціи, нѣкоторые изъ князей литовскихъ и во всякомъ случаѣ всѣ женившіеся на русскихъ княжнахъ, принимаютъ и самую вѣру русскую т. е. христіанство греко-славянскаго обряда. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ дядей и даже братьевъ знаменитаго Ягеллы были православными, а древнѣйшая православная святыня всей западной или Бѣлой Руси, пречистенскій соборъ въ Вильнѣ, построенъ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ. Тѣмъ не менѣе однако русское вліяніе, коснувшись лишь самыхъ высшихъ слоевъ литовскаго народа, не успѣло еще пустить въ немъ глубокихъ корней и въ немъ утвердиться болѣе или менѣе прочно и осязательно, какъ принятіе въ 1386 году великимъ княземъ Ягелломъ, при бракосочетаніи съ польской королевой Ядвигой, римскаго католицизма дало дальнѣйшему развитію среди этнографической Литвы культуры, цивилизаціи и просвѣщенія совершенно новое направленіе. Вмѣстѣ

съ римскимъ католицизмомъ, вслѣдъ за великимъ княземъ принятымъ представителями народа, пришло на Литву новое просвѣщеніе, просвѣщеніе также славянское, но нѣсколько инаго уже типа, просвѣщеніе, взросшее и развившееся на почвѣ этаго католицизма. Какъ и вездѣ, церковь явилась на Литвѣ первой наставницей, руководительницей и просвѣтительницей, а такъ какъ церковь эта есть церковь римско-католическая, то религіозно-нравственное просвѣщеніе въ духѣ римско-католической церкви, построенное на римско-католической церковности и обрядности, и стало съ тѣхъ поръ неизбѣжно главной и основной стихіей культурнаго и общественнаго бытія литовскаго народа. Отсюда обнаруживается, что латинскій алфавитъ естественно и неизбѣжно сдѣлался навсегда основной принадлежностью и необходимымъ орудіемъ просвѣщенія этаго народа вообще. Долгое время это первичное религіозно-нравственне просвѣщеніе, съ явной печатью церковности, велось, конечно, на языкѣ польскомъ, ибо языкъ литовскій находился тогда еще въ зачаточномъ состояніи, а религія христіанская пришла сюда изъ Польши, отъ народа польскаго. Просвѣщеніе это не коснулось уже, конечно, лишь самыхъ высшихъ слоевъ народа литовскаго, какъ просвѣщеніе русское, а пошло въ глубь его, охватило всѣ его слои и стало, какъ упомянуто уже, на долгія времена основной стихіей его народнаго самосознанія и даже его общественнаго бытія. Само собою розумѣется, что внѣдреніе и расширеніе въ народѣ литовскомъ этаго новаго просвѣщенія пресѣкло воздѣйствіе на него прежняго просвѣщенія русскаго, т. е., иными словами, начавшееся было на Литвѣ, еще до принятія всѣмъ народамъ

христіанства, распространеніе просвѣщенія славяно-русскаго прегражденo и вытѣснено было, по принятіи этимъ народомъ христіанства, распространеніемъ среди него просвѣщенія славяно-польскаго. Тѣмъ не менѣе однако извѣстное вліяніе на народъ литовскій русскаго просвѣщенія и послѣ этого далеко не прекратилось вовсе.

Первой по времени книгой, напечатанной на Руси, былъ богослужебный псалтырь, отпечатанный Франциском Скориною въ Вильнѣ въ 1525 году. Хотя началомъ книгопечатанія на Руси принимается обыкновенно 1564 годъ, въ который началъ свою типографскую дѣятельность печатникъ Иванъ Федоровъ въ Москвѣ, хотя объ этомъ заявляется въ книгахъ по исторіи русскаго просвѣщенія и даже было заявлено въ лекціяхъ по исторіи типографскаго исскуства на Руси, читанныхъ на выставкѣ русскаго печатнаго дѣла въ С. Петербургѣ лѣтомъ истекшаго года, тѣмъ не менѣе однако остается непреложнымъ тотъ историческій фактъ, что первымъ русскимъ книгопечатникомъ былъ литвино-бѣлоруссъ Францискъ Скорина. Трудъ его, для своего времени весьма исскусный и изящный, красуется нынѣ въ первой витринѣ виленскаго археологическаго музея, напоминая потомству о его невѣжествѣ и его неблагодарности. Вильна, столица Литвы и средоточіе литовскаго народа, была въ эту эпоху средоточіемъ русскаго просвѣщенія и русской образованности. Народъ этотъ, народъ въ отношеніи Руси иноплеменный и иновѣрный, исповѣдующій при томъ римскій католицизмъ, столь враждебный такъ называемой „схизмѣ“, не только не препятствовалъ и не недоброжелательствовалъ даже столь быстрому и блестящему

росту русской культуры, русской цивилизаціи и русскаго просвѣщенія въ крупномъ центрѣ, лежащемъ во всякомъ случаѣ въ его этнографическихъ предѣлахъ. но даже росту такому всячески сочувствовалъ и содѣйствовалъ. Заботясь о должномъ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ и потребностей Литовской Руси, великій князь Витольдъ личными хлопотами, усиліями и стараніями достигаетъ раздѣленія митрополіи русской на кіевскую и московскую, ибо, съ паденіемъ Кіева, митрополія кіевская перенесена была въ Москву и ставъ такимъ образомъ общерусской, за отдаленностью, нахожденіемъ въ другомъ государствѣ и по другимъ причинамъ оставила Русь Бѣлую и Малую, а въ составѣ послѣдней и первопрестольный центръ Кіевъ безъ должнаго надзора и руководства. Знаменитый первопечатникъ московскій Иванъ Федоровъ, бѣжавъ изъ Москвы отъ взрыва народнаго невѣжества и суевѣрія, нашелъ себѣ пристанище на Литвѣ — въ Вильнѣ, въ столь знаменитой въ свое время русской типографіи Мамоничей. Около того-же времени приблизительно великорусскіе раскольники, подвергшись въ государствѣ московскомъ жестокимъ преслѣдованіямъ, массами устремились на Литву и здѣсь нашли себѣ пріютъ, пристанище, земли, селитьбы и гражданскія права, какъ на Бѣлой Руси, такъ и среди самой этнографической Литвы. Въ тоже время знаменитый князь Андрей Курбскій, столь прославившійся въ русской исторіи своей обличительной перепиской съ царемъ Иваномъ Грознымъ, на Литвѣ именно обрѣлъ себѣ первоначально хлѣбъ-соль и должный почетъ, пока не получилъ отъ короля польскаго въ обезпеченіе существованія староство ковельское на Волыни, на которомъ и закончилъ свою скитальческую

жизнь. Не смотря на племенное и вѣроисповѣдное различіе Литвы и Руси, Вильна была въ то время городомъ едва-ли не болѣе русскимъ, нежели литовскимъ. Сами польскіе писатели того времени признаютъ, что въ столицѣ Литвы больше православныхъ храмовъ, нежели католическихъ. Въ тѣ давно прошедшія времена религія являлась, понималась и признавалась однымъ изъ основныхъ элементовъ національности. Самый актъ люблинской уніи 1569 года, составленный самыми образованными и передовыми людьми своего времени, употребляетъ всюду выраженія: „вѣроисповѣданіе русское", „вѣра русская" и „вѣроисповѣданіе польское", „вѣра польская", именуя первыми двумя вѣроисповѣданіе обряда греко-славянскаго, а двумя вторыми — исповѣданіе римско-католическое. Не смотря на то, что Русь жила тогда въ условіяхъ литовской государственности и этой послѣдней подчинялась; не смотря на то, что народъ литовскій являлся народомъ римско-католическимъ, въ отношеніи Руси не только иновѣрнымъ, но и иноплеменнымъ; не смотря на то, что вся эта разсматриваемая нами нынѣ эпоха была именно эпохой сильнѣйшаго разгара религіозныхъ страстей и небывалаго взрыва религіознаго фанатизма въ Европѣ, разгазившихся извѣстной тридцатилѣтней войной; не смотря на все это — законодательство литовско-русское, санкціонированное литовской государственной властью, кодифицированное въ первомъ Статутѣ Литовскомъ, изданномъ въ 1529 году и допущенное къ дѣйствію также и въ областяхъ коренной Литвы между прочимъ совершенно и абсолютно уравниваетъ вѣроисповѣданія греческое и римское, „вѣру русскую" и „вѣру польскую", какъ выражались тогда и выража-

ются иногда даже и въ настоящее время. Изъ перваго Литовскаго Статута это знаменитое уравненіе двухъ этихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, для своего времени совершенно не обычайное, перешло во второй Статутъ, изданный въ 1566 году и изъ этаго послѣдняго какъ въ актъ люблинской уніи 1569 года, такъ и въ сеймовую конституцію Рѣчи Посполитой 1572 года. Актъ люблинской уніи между прочимъ гласитъ: „Какъ русскому, такъ и польскому вѣроисповѣданіямъ гарантируемъ неприкосновенность и членамъ обѣихъ народностей открываетъ одинаковый поступъ къ сенаторскимъ и другимъ полномочіямъ и должностямъ“. Затѣмъ сеймовая конституція, постановленая варшавскимъ генеральнымъ сеймомъ въ періодѣ междуцарствія, наступившаго по смерти короля Сигизмунда Августа, а именно въ 1572 году, гласитъ: Такъ какъ въ Рѣчи Посполитой нашей есть немало разногласныхъ христіанскихъ вѣросповѣданій, то предупреждая, дабы вслѣдствіе того не возникли безпорядки, какіе видимъ въ другихъ королевствахъ, всѣ сообща постановляемъ именемъ нашимъ и преемниковъ нашихъ на вѣчныя времена подъ страхомъ закона, вѣры, чести и совѣсти нашей, что мы всѣ религіозные диссиденты должны жить между собою въ мирѣ и согласіи и по поводу разной вѣры и разныхъ церковныхъ обрядовъ не должни ни крови проливать, ни карать когобы то ни было конфискаціей имущества, лишеніемъ чести, заключеніемъ и ссылкою и никакой власти въ такомъ дѣлѣ не помагать, а еслибы дѣло до того доходило, то всѣ всѣми силами до того не допускать.[1] Хотя два вышеприведенныхъ законоположенія

1) Volumina legum. T. II. Interregnum. 1572. pag. 841—842.

дѣлаютъ несомнѣнно великую честь польскому законодательству вообще и притомъ въ частности такого періода религіозныхъ гоненій и преслѣдованій, какимъ былъ въ Европѣ XVI вѣкъ, тѣмъ неменѣе однако слѣдуетъ не упускать изъ виду, что оба законоположенія эти представляются въ сущности лишь повтореніемъ и варьяціей постановленій первыхъ двухъ Литовскихъ Статутовъ объ уравненіи вѣроисповѣданій греческаго и римскаго и религіозной терпимости, послѣ которыхъ два законоположенія эти сдѣлались логической необходимостью. Эти постановленія Статутовъ Литовскихъ 1529 и 1566 годовъ созданы были законодательствомъ русско-литовскимъ въ условіяхъ литовской государственности и подъ покровительствомъ литовской государственной власти, въ интересахъ и блага ради народности русской. Являясь для своего времени совершенно необычайными, они знаменуютъ собой, какъ нельзя лучше, отношенія народа литовскаго къ народу русскому. При подобныхъ обстоятельствахъ элементы русской общественности и начала русскаго просвѣщенія естественно занимали на Литвѣ почетное мѣсто. Неудивительно послѣ этого, что въ литовскихъ народныхъ преданіяхъ, сказаніяхъ и легендахъ найдены позднѣйшими изслѣдованіями такіеже слѣды вліянія русской письменности тѣхъ временъ, какіе обнаружены и въ бѣлорусскомъ народномъ эпосѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была въ государствѣ литовскомъ область, въ которой дѣйствовали и господствовали исключительно русскія начала и притомъ нетолько на Руси, но и въ коренной Литвѣ. Областью такой была область права и законодательства. Древнее русское право кіевской эпохи, главнѣйшимъ памятникомъ ко-

тораго представляется извѣстная „Русская Правда“ Ярослава Мудраго, нашло себѣ дальнѣйшее развитіе въ Руси Литовской. Въ то время какъ законодательство государства московскаго подъ вліяніемъ многоразличныхъ причинъ стало все болѣе и болѣе отступать и отдалятся отъ основоначалъ древняго русскаго права, законодательство литовско-русское, строго придерживаясь этихъ началъ, дало имъ послѣдовательное дальнѣйшее и притомъ поистинѣ блестящее развитіе. Статуты Литовскіе, эти крупнѣйшіе законодательные памятники Европы въ ту эпоху, для своего времени въ высшей степени замѣчательные, заключають въ себѣ рядъ законоположеній и правовыхъ началъ, далеко опережавшихъ европейскія законодательства того времени. Съ кодификаціей этаго законодательства литовско-русскаго въ Статутахъ 1529, 1566 и 1588 годовъ, [1]) развитіе его, конечно, не прекратилось. Статуты пережили не только упадокъ государственной самостоятельности Литвы въ соединеніи съ государствомъ польскимъ, но даже паденіе самой Рѣчи Посполитой. Дѣйствіе Статута Литовскаго на Малой и Бѣлой Руси отмѣнено уже лишь въ 1840 году и лишь для губерній черниговской и полтавской сохранены нѣкоторыя его законоположенія изъ области гражданскаго права, вошедшія въ Сводъ Законовъ россійской Имперіи. Представляется достопримѣчательнымъ, что когда въ первое десятилѣтіе текущаго столѣтія понадобилось

1) Статутъ Литовскій во всѣхъ трехъ редакціяхъ. Чтенія въ Московскомъ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Москва. 1859 г. кн. V. и XI.

русскому правительству для употребленія присутственными мѣстами и должностными лицами перевести Статутъ Литовскій послѣдней редакціи на русскій языкъ, то переводъ этотъ, изданный въ 1811 году, сдѣлалъ былъ не съ русскаго подлинника, а съ оффиціальнаго польскаго перевода, сдѣланнаго въ свое время для практическихъ надобностей управленія Рѣчи Посполитой. Было совершенно забыто, что Статутъ Литовскій представляетъ законодательство русское и напечатанъ на русскомъ языкѣ въ русской типографіи Мамоничей въ Вильнѣ, той самой типографіи, въ которой работалъ когда-то бѣжавшій изъ Москвы печатникъ Иванъ Федоровъ. Если такимъ образомъ русскія правящія сферы, составляющія такъ или иначе часть русскаго общества, тамъ мало свѣдущи въ исторіи русскаго народа, то можно-ли удивляться, что они совершенно не знаютъ и въ своемъ святомъ невѣдѣніи какъ — будто не подозрѣваютъ существованія народа литовскаго, который сливается и отождествляется въ ихъ представленіи съ народомъ польскимъ. Во всякомъ случаѣ обрывки Статута Литовскаго, стоя нынѣ въ дѣйствующемъ россійскомъ Сводѣ Законовъ, со ссылками на подлинные артикулы Статута, напоминаютъ собой о самой блестящей эпохѣ русской общественности, русской гражданственности, русскаго самосознанія, русской письменности, русскаго просвѣщенія и русскаго права.

И дѣйствительно, вдумываясь и пристально всматриваясь въ ту эпоху, невольно убѣждаешься, что никогда еще, соотвѣтственно духу времени, общему политическому и общественному положенію Европы и уровню европейской цивилизаціи, русская обществен-

ность вообще, русская мысль, русское самосознаніе, русское просвѣщеніе и русское законодательство, не исключая даже реформаціонныхъ эпохъ Петра Великаго и начала царствованія Александра II., не стояли на такой высотѣ, какъ въ ту эпоху, подъ покровомъ и покровительствомъ литовской государственности, при благожелательности и поддержкѣ литовскаго правительственнаго элемента, при живомъ сочувствіи и участіи литовскаго народа. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что въ тѣ давнопрошедшія времена этнографическія особенности отдѣльныхъ частей Руси, раздѣлившія ее на Великую, Малую и Бѣлую, не успѣли еще сложиться и оформиться съ тою рѣзкостью и опредѣленностью, какія видимъ впослѣдствіи и вмѣстѣ съ тѣмъ между всѣми этими частями и ихъ развѣтвленіями происходило живое общеніе и взаимодѣйствіе въ области литературы и просвѣщенія. Просвѣтительное движеніе въ Литовской Руси въ эту эпоху дало толчекъ всему дальнѣйшему русскому просвѣщенію вплоть до половины и даже конца XVIII вѣка и опредѣлило его характеръ. Такимъ образомъ сущность и характеръ отношеній литовской государственности къ русской культурѣ, русской цивилизаціи, русской письменности, русскому просвѣщенію, русскому праву и наконецъ къ русскому вѣроисповѣданію, которое являлось и признавалось тогда однимъ изъ основныхъ и существеннѣйшихъ элементовъ народности, ко всѣмъ, слѣдовательно, элементамъ этой народности и началамъ ея общественнаго бытія сослужили службу всей Руси вообще. Неужели же благородный народъ русскій окажется настолько неблагодарнымъ, чтобы забыть столь огромную предъ нимъ заслугу государства народа литовскаго?

Прежде чѣмъ приступить къ изображенію третьяго періода русско-литовскихъ отношеній, я долженъ отмѣтить нѣкоторыя историческія обстоятельства огромной важности. Какъ извѣстно, въ XIV вѣкѣ море тевтонское, въ своемъ огромномъ разливѣ поглотивъ совершенно все полабское Славянство и заливъ берега Одера, Эльбы, Вислы, Нѣмана и Дуная, подвигалось уже къ берегамъ Днѣпра и Волхова. Какъ въ Польшѣ нѣмецкій элементъ наполнилъ собой города, церкви, школы и монастыри, ширясь все болѣе и болѣе по лицу земли польской, такъ и на Руси успѣлъ онъ уже прочно утвердиться: нѣмецкое купечество со своимъ магдебурскимъ правомъ осѣло уже въ Ригѣ, Новгородѣ, Псковѣ и подвигалось къ Кіеву, Минску, Луцку, Владимиру Волынскому и другимъ ея главнѣйшимъ городамъ. Между тѣмъ отъ Мальборуга, столицы Поморья, ставшей уже резиденціей гроссмейстеровъ ордена крестоносцевъ и гордо возвышавшейся надъ могилой Славянства, затопленнаго моремъ тевтонскимъ, подвигались на Русь огромныя вооруженныя силы. Въ эту роковую для Славянста и въ особенности для Руси минуту, когда рѣшался роковой вопросъ — быть имъ или не быть, Витольдъ, великій князь Литовскій, входитъ въ сношенія съ братомъ своимъ Ягелломъ, королемъ польскимъ и соединивъ вокруженныя силы Литвы, Руси и Польши, въ 1410 году разбиваютъ на повалъ нѣмецкія силы подъ Грюнвальдомъ и Таннен-бергомъ. Если бы въ этихъ двухъ славныхъ битвахъ, въ которыхъ рѣшались будущія судьбы Славянства и Руси, соединенныя силы литовскія, русскія и польскія не восторжествовали надъ цвѣтомъ нѣмецкаго рыцарства, то славянская рѣчь и русское слово давнымъ

давно исчезли бы уже до самого Днѣпра, а можетъ быть даже и далеко за Днѣпръ. Хотя это великое историческое дѣло спасенія и огражденія отъ гибели наибольшей и лучшей части Славянства совершено соединенными силами трехъ народовъ: литовскаго, русскаго и польскаго, не слѣдуетъ однако забывать, что какъ великій князь Витольдъ, такъ и самъ Ягелло, его почавшіе и имъ руководившіе были оба чистокровные литвины, какъ по рожденію, такъ и по воспитанію, и являлись истинными представителями народа литовскаго. Огромная заслуга народа этаго предъ Русью и Славянствомъ является очевидной. Не только будущій расцвѣтъ русской общественности и русскаго права во второй историческій періодъ русско-литовскихъ отношеній, мной только что изображенный, но и самое существованіе русской народности въ тѣхъ территоріальныхъ предѣлахъ, въ которыхъ расцвѣтъ этотъ впослѣдствіи произошолъ, рѣшались серьезнѣйшимъ образомъ на поляхъ Грюнвальда и Танненберга.

Приступая къ изображенію третьяго періода русско-литовскихъ отношеній, напоминаю прежде всего, что періодъ этотъ продолжался со времени люблинской уніи до включенія Литвы въ составъ россійской имперіи въ 1795 году. Послѣ уніи этой Литва стала довольно быстро терять свою политическую самостоятельность и уже около половины XVII вѣка стала къ государству польскому въ такія же почти отношенія, въ какія актомъ означенной уніи поставлена была Русь, изъятая тогда изъ ленной зависимости отъ великаго княжества литовскаго и включенная непосредственно въ составъ королевства польскаго. Такимъ образомъ около столѣтія спустя послѣ люблинской уніи, какъ

Литва, такъ и Русь, по отношенію къ государству польскому поставлены были въ однаковыя почти отношенія народности къ государству, созданному и руководимому другой народностью, а по отношенію другъ ко другу естественно стали въ тѣ простыя, ничѣмъ не окрашиваемыя и не осложняемыя отношенія между двумя національностями, какія создаются простымъ національнымъ сосѣдствомъ, общеніемъ и неизбѣжнымъ другъ на друга взаимнымъ вліяніемъ. Эта эпоха постепеннаго паденія самостоятельности литовской государственности, составляющая лишь начало разсматриваемаго мной нынѣ третьяго періода русско-литовскихъ отношеній, продолжавшагося до окончательнаго паденія и послѣдняго раздѣла Рѣчи Посполитой, отмѣчена однымъ крупнымъ историческимъ фактомъ — снаряженіемъ и отправленіемъ въ 1600 году спеціальнаго торжественнаго посольства въ Москву для заключенія вѣчнаго мира. Само собою разумѣется, что если бы посольство это носило характеръ чисто дипломатическій, то я о немъ вовсе и не упоминалъ бы, ибо, какъ я указалъ уже, отношенія между государствами существенно отличаются отъ отношеній между двумя народностями и въ кругъ разсмотрѣнія нашего не входятъ. Но дѣло въ томъ, что посольство это явилось въ Москву и говорило тамъ отъ имени „народа польскаго“, обращаясь къ „русскимъ“. [1]) Глава посольства Левъ Ивановичъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества литовскаго, отъ имени короля польскаго поздравилъ

1) Poselstwo Lwa Sapiehy w roku 1600 do Moskwy, podług dyarjusza Eliasza Pielgrzymowskiego, Sekretarza Poselstwa. Grodno 1846.

царя Бориса Ѳедоровича со вступленіемъ на престолъ, а отъ имени народа польскаго изъявилъ желаніе жить съ русскими на вѣчныи времена въ согласіи, любви и единствѣ, о чемъ и просилъ заключить договоръ. Если такимъ образомъ канцлеръ великаго княжества литовскаго говоритъ не отъ имени Рѣчи Посполитой либо короля польскаго, а отъ имени народа польскаго и обращается не къ правительству московскому и не къ царю Борису Ѳедоровичу, а къ русскимъ, то отсюда обнаруживается, что дѣло шло здѣсь не о договорѣ между королевствомъ польскимъ и царствомъ московскимъ, а о болѣе широкомъ и для своего времени довольно необыкновенномъ договорѣ — между народомъ польскимъ и народомъ русскимъ. Этотъ выводъ нашъ потверждается многими обстоятельствами, относящимися къ попыткѣ заключить означенный договоръ. Слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что за исключеніемъ одного лишь Станислава Варшицкаго, кастеляна варшавскаго, всѣ прочіе члены посольства были литвино-бѣлоруссы, а именно: Левъ Ивановичъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжества литовскаго и глава посольства, Илья Пильгржимовскій, писарь великаго княжества литовскаго и секретарь посольства, Андрей Воропай, судья земли оршанской, Иванъ Николаевичъ Сапѣга, князь Ярославъ Друцкій-Соколинскій, Иванъ Боруцкій, Петръ Дунинъ, Иванъ Пасекъ и Николай Фронцкевичъ. Собравшемуся въ отвѣтной палатѣ боярству московско-русскому читаетъ Левъ Ивановичъ Сапѣга, великій канцлеръ литовскій, условія вѣчнаго мира и соединенія между русскими и поляками на западнорусскомъ литературномъ языкѣ того времени, что было бы совершенно невозможно если бы предла-

гаемый договоръ исходилъ отъ имени государства польскаго, а не „народа польскаго“ подъ которымъ авторы проэкта и члены посольства разумѣли очевидно все вообще народонаселеніе Рѣчи Посполитой, т. е. народы польскій, литовскій и русскій, а не народъ польскій исключительно. Въ рѣчи своей, предшествовавшей прочтенію проэкта договора, великій канцлеръ литовскій, заявляя о желаніи „польскаго народа“ жить съ „русскими“ на вѣчныя времена въ согласіи, любви и единствѣ и предлагая для сего заключить договоръ, проэктъ котораго будетъ имъ тотчасъ прочитанъ, заявлятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „польскій народъ“ желаетъ „искони“ жить „съ народомъ русскимъ“ въ такомъ согласіи, любви и единствѣ. Если принять во вниманіе, что, за исключеніемъ одного, всѣ члены этаго замѣчательнаго посольства были представителями литовской государственности того времени, еще не утратившей тогда своей самостоятельности въ уніи съ государствомъ польскимъ; если при этомъ взвѣсить, что всѣ они являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями литовско-русской общественности того времени; если при этомъ не упускать изъ виду, что самосознанія національнаго въ цѣлой Европѣ въту эпоху еще вовсе не существовало и потому отождествленіе государственнаго понятія „народонаселеніе Рѣчи Посполитой“ съ понятіемъ „народъ польскій“, насящимъ для насъ оттѣнокъ національный, представляется для означенныхъ пословъ болѣе, чѣмъ извинительнымъ; если сверхъ того принять въ расчетъ, что подъ вліяніемъ русскаго просвѣщенія и русской гражданственности многіе литвины въ то еще время русѣли, почему мы и называемъ

ихъ всюду литвино-бѣлоруссами; если, наконецъ, остановиться на томъ, что по первому пункту проэктированнаго договора „поляки и русскіе должны жить между собою въ согласіи и вѣчной и нераздѣльной любви, какъ люди одной вѣры христіанской, одного языка и одного народа славянскаго", то изъ обсужденія и соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ представляется достаточно яснымъ, что передовые представители литовской государственности и литовско-русской общественности того времени на самомъ рубежѣ XVII вѣка стремились къ политической федераціи трехъ народностей — польской, литовской и русской, при сохраненіи, конечно, политической самостоятельности государствъ польско-литовско-русскаго и московско-русскаго. Попытка осуществленія подобнаго стремленія оказалась, само собою разумѣется, возможной лишь при содѣйствіи и соадйствіи передовыхъ элементовъ польской государственности и общественности того времени. Во всякомъ случаѣ однако создателями, иниціаторами и главными двигателями этой идеи общественно-политической федераціи трехъ народовъ, для своего времени въ высокой степени замѣчательной, были литвино-бѣлоруссы и между ними прежде всего и болѣе всего Левъ Ивановичъ Сапѣга, канцлеръ великаго княжаства литовскаго. Представители Руси Московской въ лицѣ шести бояръ и намѣстниковъ, однаго окольничьяго и намѣстника и трехъ дьяковъ посольскихъ, стоя сравнительно съ представителями Литвы и Литовской Руси на низшей ступени образованія и общественнаго развитія, оказались неспособными подняться до самой идеи федераціи трехъ народовъ и должнымъ образомъ оцѣнить ея го-

сударственное значеніе, почему переговоры не привели къ желанному результату и договоръ не состоялся. Замѣчателенъ слѣдующій фактъ. Знаменитый Левъ Ивановичъ Сапѣга погребенъ въ родной гробницѣ своей въ костелѣ св. Михаила въ Вильнѣ, около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ закрытомъ по распоряженію русской администраціи. Костелъ на глухо заколоченъ и гробница знаменитаго литвино-бѣлорусса и государственнаго человѣка, украшенная статуями и мавзолеями, постепенно приходитъ въ запустѣніе, ветхость и разрушеніе. Никто еще до сихъ поръ и даже виленскій археологическій съѣздъ въ 1894 году не вспомнилъ объ останкахъ крупнаго литовскаго историческаго дѣятеля, мечтавшаго когда-то о нераздѣльной любви, дружбѣ, вѣчномъ согласіи и единеніи съ братскимъ народомъ русскимъ, народомъ одной вѣры христіанской и одного народа славянскаго. Настолько коротка историческая память русскаго общества и такова его признательность къ великимъ историческимъ заслугамъ.

Какъ мы упомянули уже, около половины XVII вѣка Литва утрачиваетъ свою политическую самостоятельность и хотя и сохраняетъ внѣшнюю отдѣльность нѣкоторыхъ учрежденій, становится въ сущности къ государству польскому въ такія же почти отношенія, какъ и Русь, актомъ люблинской уніи включенная непосредственно въ польское государственное тѣло. Высшій класъ литовскаго народа быстро полонизировался, сохранивъ однако коренныя черты литовской народности. Если принять во вниманіе, что съ конца XIV вѣка вмѣстѣ съ римскимъ католицизмомъ пришли на Литву польская цивилизація и польское просвѣще-

ніе; что уже въ 1574 году основана была въ Вильнѣ польская академія наукъ; что сама Русь Литовская, стоявшая на гораздо болѣе высокой ступени гражданственности и просвѣщенія, нежели собственно Литва и въ силу этого оказывавшая на эту послѣднюю сильное культурное и просвѣтительное воздѣйствіе, всетаки подверглась въ высшихъ слояхъ своихъ тойже полонизаціи, уступивъ въ сильнѣйшей степени свое воздѣйствіе и вліяніе культурѣ и просвѣщенію польскимъ; то представится вполнѣ естественнымъ, что народъ еще юный, лишь въ началѣ XIV вѣка выступившій на историческое поприще и лишь въ концѣ его принявшій христіанство, въ высшихъ и болѣе просвѣщенныхъ слояхъ своихъ быстро полонизировался. Такимъ образомъ около половины XVII вѣка народъ литовскій въ Рѣчи Посполитой становится къ ея русскому народу въ простыя отношенія между двумя народностями, входящими въ составъ иноплеменнаго государства, отношенія, ничѣмъ не осложняемыя и не искажаемыя. Около того же времени начинается въ Рѣчи Посполитой извѣстный правительственный натискъ католицизма на православіе и борьба между католицизмомъ и уніей съ одной стороны и православіемъ съ другой. Когда въ 1648 году, по смерти Владислава IV, возсѣлъ на престолъ польскій Янъ Казиміръ, бывшій монахъ іезуитскаго ордена, всецѣло подчинившійся вліянію этого послѣдняго и по самому характеру своему склонный къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ, то исконная вѣроисповѣдная политика польскаго государства, исполненная свободы и самой широкой вѣротерпимости, закрѣпленная и освященная извѣстной конституціей варшавска-

го генеральнаго сейма 1572 года, вдругъ рѣзко измѣняется. Она превращается въ фанатическую, чисто іезуитскую и прямо противугосударственную. Не смотря на то, что всего лишь какихъ нибудъ 76 лѣтъ отдѣляетъ восшествіе на польскій престолъ короля-іезуита отъ извѣстной сеймовой конституціи 1572 года, правительственный натискъ католицизма на православіе не только быстро развивается и возрастаетъ при посредствѣ цѣлаго ряда мѣръ правительственно-административныхъ, но даже возводится отчасти въ законодательный принципъ. Считаемъ необходимымъ отмѣтить здѣсь, что слѣпая и противная истиннымъ государственнымъ интересамъ вѣроисповѣдная политика Яна Казиміра отнюдѣ не была религіозной политикой польскаго государства, а тѣмъ болѣе польскаго народа, а лишь политикой іезуитовъ, умѣвшихъ и коронованыхъ особъ заставлять служить своимъ низкимъ, противучеловѣческимъ, противугосударственнымъ и противуобщественнымъ цѣлямъ. Тѣмъ не менѣе однако царствованіе короля-іезуита было для Рѣчи Посполитой самымъ несчастнымъ изо всѣхъ, когда-либо бывшихъ. Въ 1655 году Великая Польша поддается шведскому королю Карлу Августу и онъ послѣдовательно занимаетъ Варшаву и Краковъ; Янушъ и Богуславъ Радивилы подписываютъ въ кейданахъ актъ уніи Литвы съ Швеціей; вассалъ Польши курфюрстъ бранденбурскій отъ нея отлагается; гетманъ малороссійскій Богданъ Хмельницкій и предводитель войскъ московскихъ князь Бутурлинъ подступаютъ подъ Львовъ; вся Польша оказывается въ рукахъ враговъ. Въ цѣли мои совершенно не входитъ скольконибудъ обстоятельное разсмотрѣніе важнѣйшихъ событый царствованія Яна

Казиміра, каковы отпаденіе Малой Руси, полная расшатанность польскаго государства, московскія войны и т. д. Упомянемъ лишь, что не смотря на то, что въ 1668 году король-іезуитъ вынужденъ былъ отказаться отъ престола, фанатическая правительственная политика въ Рѣчи Посполитой продолжалась и въ началѣ XVIII вѣка достигла своего апогея, выразившись въ прямомъ, открытомъ и ожесточенномъ преслѣдованіи диссидентовъ.

Если мы упомянули вскользь о нѣкоторыхъ достопримѣчательныхъ историческихъ фактахъ, ознаменовавшихъ собой исторію Польши съ начала XVII вѣка и въ особенности во второй его половинѣ, въ прискорбное царствованіе короля-іезуита Яна Казиміра, то для того лишь, чтобы подойти къ цѣли нашего разсмотрѣнія — русско-литовскимъ отношеніямъ въ этомъ ихъ періодѣ, закончившемся присоединеніемъ Литвы къ россійской Имперіи. Для правильнаго ихъ уразумѣнія напоминаемъ еще разъ, что въ тѣ давнопропедшія времена религія не только составляла главнѣйшій и существеннѣйшій элементъ національности, но даже нерѣдко съ ней отождествлялась. Въ столкновеніи между вѣроисповѣданіями греко-русскимъ и римско-католическимъ, неизбѣжно вызваннымъ правительственнымъ натискомъ католицизма на православіе въ Рѣчи Посполитой, нами уже указаннымъ, вѣроисповѣданія эти, получивъ наименованія „вѣры русской“ и „вѣры польской“, до такой степени отождествились съ національностями русской и польской, что ихъ раздѣленіе какъ въ представленіяхъ народныхъ, такъ даже и въ понятіяхъ не столь просвѣщенныхъ элементовъ обѣихъ обществъ и до сихъ поръ еще представляетъ значительныя трудности.

Посему отношеніе литвиновъ того времени, представителей литовской народности той эпохи. народности при томъ католической и въ высшихъ слояхъ своихъ сильно полонизованной, къ такъ наз. „вѣрѣ русской", т. е. къ православію, въ это время воздвигнутыхъ на него польскимъ правительствомъ гоненій и опредѣляетъ въ сущности отношеніе народности этой къ народности русской, а равно и взаимоотношенія этихъ двухъ народностей между собою. Отношеніе это опредѣляется и свидѣтельствуется съ совершенной ясностью подлинными историческими документами той эпохи. Среди государственныхъ учрежденій Литвы, сохранившихъ свою самостоятельность и въ Рѣчи Посполитой, существовало одно учрежденіе громаднаго государственнообщественнаго значенія, роль и дѣятельность котораго наукой до сихъ поръ еще не разработаны и не освѣщены. Учрежденіемъ такимъ является „Главный Литовскій Трибуналъ", верховный судъ Литвы. За рѣдкими исключеніями верховный судъ этотъ состоялъ всегда изъ коренни литвиновъ, лучшихъ представителей литовской народности. На рѣшеніе главнаго литовскаго трибунала восходили судебныя дѣла исключительной важности и всѣ вообще процессы, носившіе политическій характеръ. Вслѣдствіе этого его рѣшенію подверглись всѣ жалобы православныхъ церквей, приходовъ и учрежденій на представителей церквей римско-католической и греко-уніатской, а равно и на представителей правительственной власти о захватахъ ихъ собственности, насильственномъ завладѣніи ихъ зданіями и учрежденіями, злоупотребленіяхъ всевозможнаго рода и т. д. Главнѣйшія рѣщенія этаго трибунала составляютъ нынѣ XVIII томъ актовъ,

издаваемыхъ виленской археографической коммиссіей, появившійся въ свѣтъ въ 1894 году. Замѣчательнымъ и для своего времени довольно необычайнымъ представляется, тотъ фактъ, что по всѣмъ положительно жалобамъ и процессамъ со стороны православнаго населенія и учрежденій православной церкви на самовольные захваты, присвоенія, злоупотребленія административныхъ властей и т. д. главный литовскій трибуналъ, состоявшій изъ литвиновъ-католиковъ, постановлялъ всегда справедливыя рѣшенія въ пользу православныхъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ сказывается самымъ яркимъ и рѣшительнымъ образомъ справедливое отношеніе, истинное сочувствіе, братское расположеніе и полное уваженіе представителей литовской народности къ народности русской. Построенныя на такихъ правдивыхъ и истинно общественныхъ началахъ взаимоотношенія между народностями литовской и русской продолжались вплоть до паденія Рѣчи Посполитой и присоединенія Литвы къ россійской Имперіи въ 1795 году.

Приступая нынѣ къ изображенію четвертаго и предпослѣдняго періода русско-литовскихъ отношеній, продолжавшагося около семидесяти лѣтъ, мы должны отмѣтить прежде всего, что какъ манифестомъ 1795 года о присоединеніи Литвы къ россійской Имперіи, находящимся нынѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ, такъ равно и актами вѣнскаго конгресса 1815 года признаны, закрѣплены и сохранены за этой областью Имперіи всѣ тѣ права и преимущества, которыми она до сего времени пользовалась и обладала, будучи еще частью Рѣчи Посполитой. Подъ Литвой разумѣлась тогда область, совпадавшая приблизительно съ этно-

графическими предѣлами литовскаго племени и обнимавшая приблизительно нынѣшнее виленское генералъ-губернаторство, состоящее изъ губерній виленской, ковенской и гродненской. Въ предѣлахъ этихъ заключается собственная, этнографическая Литва, увеличенная тѣми частями Бѣлоруси, которыя представляютъ отчасти коренную бѣлорусскую народность, отчасти обѣлорушенную народность литовскую. Какъ извѣстно, польская культура и цивилизація, какъ по оси польской государственности и съ помощью различныхъ ея факторовъ и условій, такъ и собственной силой и значеніемъ, притянули въ свое время лучшія силы Литвы и Руси. Литвѣ и Руси обязана Полша большей частью своихъ великихъ людей, которые давали сильные толки польской общественности и составили силу, славу и украшеніяе польской народности. Сильная полонизація высшихъ слоевъ Литвы и Руси представляетъ фактъ общеизвѣстный, котораго не приходится и незачѣмъ повторять. Неудивительно послѣ этого, что въ началѣ разсматриваемаго предпослѣднаго періода русско-литовскихъ отношеній, когда еще во всей Европѣ національное самосознаніе не пробуждалось и себя еще ничѣмъ не заявило, не существовало и самаго предсталенія о какой-то особой литовской народности. Въ неопредѣленныхъ и огульныхъ общественныхъ представленіяхъ того времени народъ литовскій, народъ католическій и значительно полонизованный, совершенно отождествялся и слился съ народомъ польскимъ. Такое же смѣшеніе, отождествленіе и обобщеніе имѣло, конечно, мѣсто и вкоренилось и въ представленіяхъ русскаго правительста. Если по распоряженію этаго правительства въ 1811 году послѣдній Статутъ Литов-

скій, этотъ знаменитнѣйшій и первостепенный памятникъ русскаго права, на западнорусскомъ языкѣ напечатанный въ русской типографіи Мамоничей въ Вильнѣ, переведенъ для оффиціальнаго употребленія присутственными мѣстами съ языка польскаго, т. е. съ польскаго его перевода; то можно-ли удивляться, что это самое русское правительство, столь мало знакомое съ русской исторіей, не догадывалось вовсе о существованіи народа литовскаго и представляло его себѣ частицей народа польскаго? Послѣдовавшія событія и обстоятельства утвердили еще болѣе такое смѣшеніе. Связь Литвы и Литовской Руси съ Польшею поддерживалась почти исключительно посредствомъ высшаго класса общества, насколько классъ этотъ проникся элементами польской культуры, но связь эта была настолько слаба, что присоединіе литовскихъ областей къ Россіи произошло безъ протеста со стороны народа. Распространеніе польскаго языка замѣтно было лишь въ высшихъ слояхъ общества, тогда какъ крестьянство и мѣщанство оставалось при родномъ своемъ языкѣ — русскомъ либо литовскомъ, причемъ языкъ русскій былъ тогда не только домашнимъ, но и молитвеннымъ языкомъ русскихъ католиковъ Литовской Руси. Лелевель уже относительно первой четверти настоящаго вѣка свидѣтельствуетъ, что въ русской части Польши, на востокъ отъ Нѣмана и Буга, рѣдко кто въ состояніи говорить по польски: всѣ говорятъ обыкновенно по русски либо по литовски, почему польское слово „ойчизна“ для нихъ непонятно. Лишь въ самомъ концѣ XVIII вѣка, послѣ окончательнаго паденія Рѣчи Посполитой, поняли представители польской общественности значеніе языка, къ связующей нити и при-

нялись за его распространеніе. Въ 1800 году учреждается въ Варшавѣ литературное общество „Towarzystwo przyjaciół nauki“ (Общество друзей науки). Въ одной рѣчи, произнесенной въ одномъ изъ засѣданій общества въ 1804 году дѣятельнѣйшимъ изъ его членовъ, обрисованы вполнѣ его цѣли и стремленія.

„Какое утѣшеніе для сердца — гласитъ рѣчь эта — удрученнаго скорбію о потерѣ отечества, говорить отечественнымъ языкомъ, слышать его звуки. Когда чувство, убитое горемъ, не находитъ болѣе ни границъ, ни управленія, ни имени давней Польши, мужественный въ несчастіяхъ разсудокъ въ народномъ языкѣ указываетъ еще намъ признаки жизни отечеста. И кто, самый глубокій мудрецъ, знакомый съ дѣяніями міра, опровергнетъ положеніе нашего Общества, что, пока существуетъ польскій языкъ, до тѣхъ поръ будетъ жить и польское имя. Задумываясь надъ различными средствами, которыми тѣ или иные народы передавали потомству память о своемъ имени, мы признали самымъ дѣйствительнымъ способомъ тотъ, который предлагаетъ Иванъ Кохановскій: и мавзолеи, и египетскія пирамиды не могутъ противостоять совершенному разрушенію; одна слава науки стоитъ вѣчно и если польскій языкъ имѣетъ въ ней значеніе, его право на безмертіе безспорно“.

Такое именно направленіе получили въ самомъ началѣ нашего вѣка общественно-политическія стремленія лучшихъ представителей польской общественности. Когда въ 1803 году открытъ былъ виленскій университетъ, то представители эти устремились въ столицу Литвы и съумѣли университетъ этотъ организовать на началахъ чисто польскихъ, сдѣлавъ его

храннлищемъ и разсадникомъ польской науки и литературы. Это былъ не просто университетъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова, а скорѣе самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія, такъ какъ ему было подчинено все народное образованіе на всемъ пространствѣ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края. Обладая значительной независимостью отъ министерства народнаго просвѣщенія, онъ располагалъ вмѣстѣ съ тѣмъ огромными средствами. Въ то время какъ кромѣ „Обычаевъ старолитовскихъ“ и „Исторіи Литвы“, написанныхъ Довконтомъ, вышедшимъ изъ стѣнъ этого университета, на литовскомъ языкѣ и дошедшихъ до насъ, (послѣдняя въ рукописи) не знаемъ мы ни одного болѣе научнаго произведенія на языкѣ литовскомъ, даннаго питомцами этого университета, въ немъ дѣйствовали и изъ стѣнъ его вышли такіе первостепенные представителѣ польской литературы и науки, какъ Мицкевичъ, Крашевскій, Лелевель, Кондратовичъ, Одынецъ, Красинскій, Словацкій, Карпинскій, Ходзько, Занъ, Чацкій, Домейко, Чечоттъ, Колонтой и другіе. Неудивительно посему, что университетъ этотъ, закрытый въ 1833 году, за тридцать лѣтъ своего существованія болѣе полонизовалъ западный край и въ томъ числѣ и Литву, нежели польская государственность и культура за четыреста лѣтъ своего въ ней господства. Эта сильная полонизація края, **вовремена уже русскаго владычества** исшедшая изъ центра и столицы Литвы и въ ней вкоренившаяся, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстное польское возстаніе 1831 года разыгралось также и на территоріи Литвы, способствовали въ сильнѣйшей степени тому отождествленію народа литовскаго съ польскимъ, какое сложилось раньше. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что

собственно народъ, закрѣпощенный, безправный и уничиженный, въ то время всюду какъ бы не существовалъ и покрывался высшимъ полноправнымъ своимъ сословіемъ, за которымъ совершенно исчезалъ, а такъ какъ сословіе это было на Литвѣ совершенно полонизовано, то это обстоятельство исчезновенія массы народа литовскаго подъ тонкимъ слоемъ привилегированнаго его класса и было главной причиной отождествленія и смѣшенія народности литовской съ польской. Извѣстное польское возстаніе 1863 года, разыгравшееся уже главнѣйшимъ образомъ на территоріи Литвы, застлало окончательно колыбель народа литовскаго польскимъ туманомъ, который не разсѣялся и до сего времени и до сихъ поръ еще настолько густъ, что за нимъ не могуть ни разглядѣть, ни узнать этого народа ни русское общество, ни русскія правящія сферы. Ясно, что отношеніе русской государственности къ литовской народности въ этотъ семидесятилѣтній періодъ русско-литовскихъ отношеній не было нормальнымъ и правильнымъ.

Мы вступаемъ засимъ въ послѣдній періодъ русско-литовскихъ отношеній, начавшійся съ 1863 года и продолжающійся до нашихъ дней, періодъ обнимающій собой 32 года, періодъ современный, опредѣляющій собой настоящее положеніе литовскаго народа въ русскомъ государствѣ. Періодъ этотъ начинается, какъ актомъ огромной государственнообщественной важности — освобожденіемъ въ Россіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, такъ равно и событіемъ чрезвычайнаго государственно-общественнаго значенія — извѣстнымъ польскимъ возстаніемъ 1863 года. Въ то время какъ освобожденіе крестьянъ призывало къ но-

вой жизни народъ литовскій и еле начавшемуся въ то время зараждаться литовскому національному движенію давало твердую точку опоры, возстаніе повлекло за собой цѣлый рядъ чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя, тяготѣя надъ краемъ до сего времени, не смотря на истеченіе польской политической винѣ цѣлыхъ трехъ давностей, спутали въ необычайный хаосъ основные элементы литовскаго народнаго бытія, исказили и продолжаютъ искажать его нормальное движеніе и развитіе. Какъ извѣстно, польское возстаніе 1863 года было лишь послѣдней тучей политической бури, разсѣянной погромомъ 1831 года. Хотя событіе это было несомнѣнно характера чисто политическаго, тѣмъ не менѣе однако, вопреки всякой соціальной логикѣ и государственообщественной послѣдовательности, оно повлекло за собой раздѣленіе національностей, населяющихъ Сѣверо Западный край, бывшій главной ареной возстанія, на политически благонадежныхъ и политически неблагонадежныхъ. Высочайше утвержденнымъ 22 мая 1864 года положеніемъ Западнаго Комитета, лично исхлопотаннымъ генераломъ Муравьевымъ въ С. Петербургѣ и лично же привезеннымъ имъ въ Вильну, впервые вводится въ русское законодательство принципъ раздѣленія цѣлыхъ національностей на благонадежныхъ и неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, никогда еще не имѣвшій въ немъ мѣста и въ исторіи общественности совершенно почти безпримѣрный. Національность польская признается спеціально неблагонадежной, неблагонамѣренной и вредной въ политическомъ отношеніи и для нея спеціально создается цѣлый рядъ законоположеній и издается цѣлый циклъ

распоряженій, ограничивающихъ ея права личныя, имущественныя и политическія до послѣддей возможности. Съ раздѣленіемъ такимъ образомъ населенія Западнаго края на лицъ польскаго происхожденія и лицъ происхожденія непольскаго, раздѣленіемъ, для котораго не дается во всемъ этомъ циклѣ узаконеній и распоряженій никакихъ ясныхъ и опредѣлительныхъ указаній, лицамъ народности литовской суждено было попасть въ категорію безправныхъ лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія. Такимъ образомъ настоящее положеніе литовскаго народа въ русскомъ государствѣ опредѣляется прежде всего всѣми тѣми правоограниченіями, которыя созданы спеціально для поляковъ и ради поляковъ. Далѣе создается съ того же времени, рядъ церковнообрядовыхъ и вѣроисповѣдныхъ правоограниченій для католиковъ Сѣверо-Западнаго края, которыя представляются уже вторымъ факторомъ, опредѣляющимъ положеніе литовскаго народа въ этомъ краѣ, гдѣ онъ является аборигеномъ и которому далъ самое имя. Имѣются, наконецъ, нѣкоторыя административныя распоряженія мѣстной генералъ-губернаторской власти, которыя такъ или иначе касаются общественной жизни литовскаго народа, какъ особой національности. Распоряженія эти въ связи съ фактическимъ отношеніемъ русской администраціи и полиціи на Литвѣ къ литовскому національному движенію представляются третьимъ факторомъ, опредѣляющимъ положеніе литовскаго народа въ собственномъ его краѣ. Изъ сочетанія и взаимодѣйствія вышеозначенныхъ трехъ факторовъ и слагается современное положеніе литовскаго народа въ русскомъ государствѣ. Изъ нихъ каждый въ отдѣльности слагается въ свою очередь изъ

элементовъ столь разнообразныхъ и сложныхъ, что требуетъ отдѣльнаго и при томъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Такимъ образомъ предстоитъ мнѣ изложить и изобразить: вопервыхъ положеніе литвиновъ въ Россіи, какъ поляковъ; вовторыхъ, положеніе литвиновъ въ Россіи, какъ католиковъ и во третьихъ положеніе литвиновъ въ Россіи, какъ особой національности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЛИТВИНОВЪ ВЪ РОССІИ, КАКЪ ЛИЦЪ ПОЛЬСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Приступая къ изображенію положенія въ Россіи лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія, въ категорію которыхъ включаются и литвины, считаю неизлишнимъ замѣтить прежде всего, что самое понятіе „лицо польскаго происхожденія“ ни русскими законами, ни даже русскими правительственными распоряженіями совершенно не опредѣлено. Подобное неимѣніе сколько нибудь точнаго и для всѣхъ органовъ правительства обязательнаго опредѣленія рода лицъ, подвергающихся всевозможнѣйшимъ правоограниченіямъ создаетъ въ административной практикѣ и общественной жизни хаосъ, сущность котораго можетъ выясниться лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Не разъясняя посему сейчасъ же всѣхъ послѣдствій подобной неопредѣленности въ дѣйствіи и примѣненіи узаконеній чисто спеціальныхъ, ограничивающихъ права цѣлой массы гражданъ русскаго государства, здѣсь укажемъ лишь, что правоограниченія эти установлены какъ спеціальными законами, такъ и распоряженіями цен-

тральнаго петербургскаго правительства, такъ и на конецъ даже распоряженіями высшихъ представителей мѣстной администраціи въ лицѣ генералъ-губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края. Это русское спеціальное законодательство представляется законодательствомъ административнымъ, ибо установлено и утверждено Высочайшей властью не въ порядкѣ законосовѣщательномъ, т. е. по обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ, а въ порядкѣ чисто административномъ, т. е. по представленіямъ на Высочайшее воззрѣніе комитета министровъ, разныхъ спеціальныхъ комитетовъ и даже отдѣльныхъ министровъ. Правоограниченія, такимъ путемъ созданныя, распадаются на ограниченія правъ государственныхъ, общественныхъ и имущественныхъ.

Высочайше утвержденнымъ 22 мая 1864 года положеніемъ Западнаго комитета установлено недопущеніе въ Западномъ краѣ лицъ польскаго происхожденія къ занятію высшихъ служебныхъ мѣстъ, мѣстъ отдѣльныхъ начальниковъ и всѣхъ вообще должностей, имѣющихъ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ. Законъ этотъ, по буквальному его смыслу, относится лишь къ чиновникамъ, т. е. къ должностнымъ лицамъ, имѣющимъ право государственной службы, состоящимъ на такой службѣ и занимающимъ въ ней классныя должности. Между тѣмъ распоряженіями министровъ, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ и ихъ негласными разъясненіями и указаніями дѣйствіе его распространено какъ на всевозможныя низшія не классныя должности и должностныя званія, которымъ не присвоено правъ государственной службы, такъ равно и на мѣста, должности и занятія въ учрежденіяхъ общественныхъ и даже частныхъ. Такъ какъ при этомъ

основнымъ признакомъ лица такъ называемаго польскаго происхожденія принимается въ практикѣ органами правительственной власти католическое вѣроисповѣданіе, дѣйствительныхъ же поляковъ въ Западномъ краѣ сравнительно очень мало, о чемъ заявляло неоднократно и само правительство, то результатомъ подобнаго самопроизволънаго расширенія прямого смысла и силы вышепомянутаго закона представляется не только изгнаніе массы людей вполнѣ благонамѣренныхъ, ищущихъ лишь куска хлѣба и совершенно непричастныхъ никакой политикѣ, изо всѣхъ мѣстъ, уголковъ, закоулковъ и даже задворковъ службы какъ государственной, такъ и имѣющей видъ государственной, но также и вытѣсненіе мѣстныхъ уроженцевъ, хотя исповѣдующихъ католическую религію, но не говорящихъ даже въ общежитіи и домашнемъ быту по-польски изъ сферы такой служебной дѣятельности низшаго рода, каковы мѣста: волостнаго писаря, полицейскаго урядника, городоваго и т. д. Между тѣмъ на такія должности берутся обыкновенно повсюду въ Россіи именно мѣстные уроженцы. Будучи близко знакомы съ мѣстнымъ населеніемъ, его составомъ, нравами, обычаями, привычками, занятіями и наконецъ, что весьма важно, языкомъ, они приносятъ какъ своей мѣстности, такъ и самому дѣлу управленія весьма существенную пользу. Такимъ образомъ коренной литвинъ, не имѣющій даже понятія о польскомъ языкѣ, лишенъ всякой возможности въ своемъ родномъ краѣ служить среди своего народа даже въ такихъ ничтожныхъ должностяхъ, какъ на пр. волостнаго писаря, полицейскаго урядника, городоваго и т. д.

Подобное самопроизвольное расширеніе дѣйствія

закона 22 мая 1864 года и его сопровождающее упорное, безпощадное и систематическое изгнаніе поляковъ, какъ дѣйствительныхъ отчасти, такъ и по преимуществу мнимыхъ, изо всѣхъ областей службы государственной, общественной и даже частной привели наконецъ къ правительственному акту совершенно маловѣроятному. Успѣвъ испросить на то 4 февраля 1894 года Высочайшее соизволеніе, бывшій министръ путей-сообщенія Кривошеинъ, столь прославившійся своими грабежами, хищеніями, мошенничествами и необычайнымъ внезапнымъ увольненіемъ отъ должности, 20 того же февраля 1894 года издалъ конфиденціально, конечно, особыя правила для замѣщенія должностей и допущенія къ постояннымъ занятіямъ въ управленіяхъ и на линіяхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, а также водяныхъ путей сообщенія, подвѣдомственныхъ этому министерству. [1]) Согласно правиламъ этимъ во всей западной части Имперіи, ограниченной съ сѣвера — Финскимъ заливомъ, съ востока — линіей идущей отъ Петербурга черезъ Псковъ, Двинскъ, Витебскъ, Смоленскъ и по Днѣпру до Чернаго моря, съ юга — Чернымъ моремъ и румынскою границей и съ запада — Балтійскимъ моремъ и границами съ Пруссіей и Австрій, католики и вообще лица неправославныя польскаго и нѣмецкаго происхожденія, а равно также лица православныя, но женатыя на католичкахъ либо лютеранкахъ польской національности, не могутъ быть опредѣляемы ни на какія дол-

1) Отношеніе министерства путей сообщенія къ виленскому генералъ губернатору отъ 22 февраля 1894 года за N 7, съ приложеніемъ правилъ.

жности и допускаемы ни къ какимъ занятіямъ кромѣ самыхъ низшихъ и то лишь подъ условіемъ равномѣрнаго распредѣленія этихъ иновѣрцевъ между служащими русскаго происхожденія и сохраненія процентнаго ихъ отношенія къ этимъ послѣднимъ — въ размѣрѣ 25—40 проц. изъ общаго числа служащихъ въ каждой изъ этихъ найнизшихъ должностей, смотря по мѣстности. На участкахъ шоссейныхъ и водяныхъ путей сообщенія въ предѣлахъ 25 верстъ отъ городовъ Варшавы, Новогеоргіевска, Гродна, Брестъ-Литовска и и др. лицами православными русскаго происхожденія и не женатыми на католичкахъ или лютеранкахъ польской національности, должны быть замѣщены всѣ положительно должности за исключеніемъ мастеровыхъ, дорожныхъ и постовыхъ сторожей и рабочихъ. Всѣ тѣ самыя низшія должности и занятія, на которыя нынѣ допускаются еще и то въ извѣстномъ процентномъ отношеніи лица неправославныя польской и нѣмецкой національности и лица православныя, женатыя на католичкахъ или лютеранкахъ польской національности, должны быть обязательно втеченіе пяти лѣтъ замѣщены лицами православными русскаго происхожденія и не женатыми при томъ на католичкахъ и лютеранкахъ польской національности. Независимо отъ сего въ вышеочерченномъ западномъ районѣ Имперіи лица неправославныя польскаго и нѣмецкаго происхожденія и православныя, женатыя на католичкахъ и лютеранкахъ польской національности, не могуть быть допускаемы даже къ арендованію желѣзно-дорожныхъ буфетовъ. Такимъ образомъ къ 1899 году во всемъ вышеочерченномъ западномъ районѣ Имперіи, составляющемъ самую населенную часть ея, не должно уже

оказаться въ желѣзнодорожной службѣ не только ни единаго лица такъ называемаго польскаго происхожденія, но также ни единаго лица неправославнаго національности нѣмецкой и даже ни единаго лица православнаго, происхожденія чисто русскаго, разъ оно женато на католичкѣ либо лютеранкѣ польской національности. Но мало того. Даже за предѣлами этой западной части Имперіи во всей остальной Россіи иновѣрцы могуть быть допускаемы на службу на желѣзныхъ дорогахъ, шоссейныхъ и водяныхъ путяхъ сообщенія въ количествѣ не свыше 40 проц. общаго числа служащихъ на каждой должности и при условіи возможно равномѣрнаго ихъ распредѣленія между служащими русскаго происхожденія.

Вышеизложенныя правила о желѣзнодорожной службѣ, долженствующія получить окончательное осущественіе на самомъ рубежѣ XX вѣка, приводятъ невольно къ сопоставленіямъ и соображеніямъ, для русской государственности и общественности крайне прискорбнымъ. Совершенной новизной представляется въ исторіи русскаго законодательства ограниченіе правъ лицъ неправославныхъ нѣмецкой національности. Въ то время какъ до сихъ поръ, т. е. до 1894 года, подвергались всевозможнымъ правоограниченіямъ и при томъ въ предѣлахъ Западнаго края лишь лица польскаго происхожденія и католическаго вѣроисповѣданія, признаваемаге русскими властями главнымъ и основнымъ признакомъ принадлежности къ польской народности, отнынѣ уже во всей Западной части Имперіи, обнимающей не одинъ только Западный край, но также сверхъ сего еще большую часть губерніи петербуусской, часть псковской, весь Остзейскій край,

все Царство Польское, всю Херсонщину и Бессарабію, ограничиваются существенно въ правахъ своихъ не только уже эти лица такъ называемаго польскаго происхожденія, но всѣ вообще неправославные и при томъ не только такъ называемой польской, но и нѣмецкой національности. Такимъ образомъ отнынѣ не только уже католики польской народности, но также и лютеране, евангелисты, кальвинисты, анабаптисты и т. д. какъ польской, такъ и нѣмецкой народности ограничиваются въ своихъ правахъ и совершенно изгоняются изъ службы такого рода, которая не только не представляется государственной, но даже общественной, а носитъ характеръ занятій по казеннымъ коммерческимъ предпріятіямъ. Въ то время какъ законъ 10 декабря 1865 года, [1]) закрывшій лицамъ такъ называемаго польскаго происхожденія доступъ къ пріобрѣтенію земельной собственности въ девяти губерніяхъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, лицъ протестантскаго вѣроисповѣданія признаетъ лицами русскаго происхожденія и въ правахъ ихъ совершенно уравниваетъ съ лицами русскаго происхожденія православнаго вѣроисповѣданія, правила 20 февраля 1894 года этихъ самыхъ лицъ признаютъ уже лицами нерусскаго происхожденія и лишаютъ ихъ этихъ правъ наравнѣ съ лицами такъ называемаго польскаго происхожденія. Въ то время какъ въ 1868 году комитетъ министровъ рѣшительно отвергъ возникшее было недоумѣніе, не подлежатъ ли ограниченію въ правахъ пріобрѣтенія земельной собственности

1) Указъ Правительствующаго Сената отъ 23 декабря 1865 года.

въ Западномъ краѣ русскіе, женатые на полькахъ, [1]) въ 1894 году такіе коренные русскіе, женатые на полькахъ, изгоняются уже изъ желѣзнодорожной службы наравнѣ съ поляками и нѣмцами разныхъ вѣроисповѣданій. Въ то время какъ предложеніе, внесенное въ маѣ 1864 года бывшимъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края генераломъ Муравьевымъ въ бывшій Западный комитетъ, въ засѣданіяхъ котораго онъ самолично принималъ участіе, о недопущеніи большаго числа лицъ польскаго происхожденія на должности въ главныхъ управленіяхъ въ столицахъ и другихъ городахъ и о неопредѣленіи ихъ вовсе на полицейскія и почтовыя должности комитетомъ было отклонено и такимъ образомъ ограниченіе служебныхъ правъ лицъ польскаго происхожденія за предѣлами Западнаго края не допущено; въ 1894 году ограничиваются уже права на службу гораздо низшаго рода по всей Россіи не только этихъ лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія, т. е. всѣхъ вообще уроженцевъ Россіи славянъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, но всѣхъ вообще неправославныхъ, принадлежащихъ къ народностямъ, какъ польской по терминологіи, конечно, русской администраціи, такъ равно и нѣмецкой. Приведенныя сопоставленія совершенно достаточны, что бы видѣть до наглядности, какому огромному регрессу подверглось въ этомъ отношеніи русское законодательство на протяженіи послѣднихъ 30 лѣтъ. Хотя изложенія правоограниченія направлены повиди-

1) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору Сѣверо-Западнаго края отъ 30. іюня 1868 г. за N. 6060.

мому противъ двухъ національностей — польской и нѣмецкой, но если принять вовниманіе, что полякомъ признается и трактуется русскими властями всякій уроженецъ Россіи, носящій славянскую фамилію и исповѣдующій римско-католическую религію, что такимъ же точно правоограниченіямъ подвергнуты коренные русскіе православнаго исповѣданія, разъ они женаты на католичкахъ или лютеранкахъ, хотя бы одной только польской народности; что наконецъ кромѣ поляковъ—дѣйствительныхъ или мнимыхъ и нѣмцевъ никакихъ иныхъ иновѣрцевъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Россіи почти не имѣется, то представится очевиднымъ, что правоограниченія эти, направленныя повидимому противъ двухъ народностей, направлены въ сущности противъ всѣхъ иновѣрцевъ современнаго русскаго государства. Со времени учрежденія въ Россіи Имперіи подобнаго закона, до такой степени лишающаго всѣхъ ея иновѣрцовъ правъ самыхъ элементарныхъ, еще не появлялось. Появившись подъ покровомъ канцелярской тайны, онъ долженъ осуществиться окончательно на самомъ рубежѣ XX вѣка.

Слѣдуетъ замѣтить, что оффиціальное русское законодательство, т. е. какъ основные государственные законы (Св. Зак. т. I, ч. 1. изд. 1892 г.), такъ и уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (Св. Зак. т. III изд. 1876 г.) такъ наконецъ и законы о состояніяхъ (Св. Зак. т. IX изд. 1876 г.), нигдѣ ни единымъ словомъ не упоминаютъ о какихъ бы то ни было ограниченіяхъ служебныхъ правъ лицъ какой бы то ни было національности и какого бы то ни было вѣроисповѣданія. Всѣ тѣ огромныя ограниченія въ правахъ

службы государственной, общественной и частной, какія нами только что очерчены, созданы и установлены негласнымъ, конфиденціальнымъ, тайнымъ административнымъ законодательствомъ и еще болѣе тайными административными распоряженіями.

Само собою разумѣется, что литвины, и какъ лица такъ называемаго польскаго происхожденія, и какъ католики, подвергнуты всѣмъ этимъ правоограниченіямъ въ полной ихъ мѣрѣ. Если при этомъ ограниченіе правъ службы государственной и общественной, упадая главнѣйшимъ образомъ на литовскую интеллигенцію, нынѣ уже въ болѣе тѣсномъ кругу общежитія и въ жизни домашней говорящую нерѣдко не иначе, какъ по литовски, лишаютъ представителей литовскаго народа всякой возможности служить чѣмъ-либо этому послѣднему явно и легально, то недопущеніе литвиновъ въ низшіе роды службы и въ службу желѣзнодорожную тяжелымъ бременемъ ложится на массу народную. Въ то время какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ и развитіе желѣзнодорожной сѣти на Литвѣ лишило литовское крестянство извознаго промысла, составлявшаго немаловажную доходную статью его крестьянскаго хозяйства, тайныя правительственныя распоряженія, народомъ этимъ совершенно не вызванныя и не заслуженныя, отымаютъ у него возможность возмѣщать потерянное желѣзнодорожной службой такого рода, который представляется для народной массы совершенно доступнымъ и соотвѣтственнымъ. Проходя мимо селъ и деревень, не рѣдко даже по крестянскимъ землямъ, подвергшимся обязательному выкупу, желѣзная дорога представляется естественнымъ и близкимъ источникомъ крестянскаго заработка и со-

вершенное устраненіе отъ этого заработка всего крестьянскаго населенія цѣлой огромной и населеннѣйшей области государства единственно изъ-за его вѣроисповѣданія, какое должно осуществиться къ 1899 году, представляется актомъ не только вопіющимъ и во всякомъ случаѣ въ исторіи новыхъ временъ совершенно безпримѣрнымъ, но также вмѣстѣ съ тѣмъ и актомъ противуобщественнымъ и противугосударственнымъ. Подрывая безъ всякой надобности основную платежную силу русскаго государства, актъ этотъ вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость переселенія значительной массы простонародья изъ глубины Россіи на западъ, переселенія въ общественномъ отношеніи совершенно противуестественнаго, ибо переселенческое движеніе направляется всегда изъ мѣстностей болѣе населенныхъ въ мѣстности менѣе населенныя, а не наоборотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ стоимость этаго переселенія, такъ равно и издержки передвиженія желѣзнодорожныхъ служащихъ высшихъ категорій изъ западной части Имперіи въ восточную и наоборотъ, представляющія расходы ненужные и совершенно непроизводительные, падаютъ всецѣло на государственное казначейство.

Въ числѣ ограниченій государственныхъ правъ литвиновъ, какъ поляковъ, имѣются далѣе ограничнія столь серьезныя, какъ лишеніе коренной Литвы самоуправленія — какъ дворянскаго, такъ и земскаго. Если при этомъ лишеніе литовскаго края самоуправленія дворянскаго, т. е. самоуправленія высшаго по законамъ государства сословія, приноситъ вредъ лишь этому собственно сословію, въ значительной степени еще полонизованному инап равлено главнѣйшимъ

образомъ къ его полнѣйшему обезличенію и уничиженію, то лишеніе этого края самоуправленія земскаго ложится незаслуженнымъ бременемъ на весь народъ литовскій и въ сильнѣйшей степени подрываетъ его экономическое благосостояніе. Слѣдуетъ не упускать изъ виду, что благосостояніе это ввѣрено нынѣ исключительно заботамъ, бдительности и административнымъ талантамъ губернаторовъ и подвѣдомственной имъ полиціи, а всѣ они въ Западномъ краѣ поглощены, какъ извѣстно всякому, выслѣживаніемъ административныхъ проступковъ ксендзовъ, выискиваніемъ проявленій „религіознаго фанатизма" среди крестьянъ, обнаруженіемъ среди крестьянскаго населенія словесныхъ выраженій и символическихъ дѣйствій, указывающихъ на враждебность къ „православію, русской народности и правительству", причемъ подъ православіемъ разумѣется опредѣленный священникъ, не ладящій съ ксендзами, нерѣдко изъ-за картежнаго проигрыша, подъ русской народностью — какой-нибудь черезъ чуръ зазнавшійся мѣстный обыватель русскаго происхожденія, олицетворяющій извѣстную русскую пословицу „коллежскій регистраторъ — чуть-чуть не императоръ", а подъ правительствомъ — конечно, полицейскій урядникъ. Будучи донельзя обременены и всецѣло поглощены выполненіемъ столь серьезныхъ обязанностей политическаго характера, губернаторы и полиціи литовскаго края, конечно, лишены возможности заботиться о благосостояніи и благоустройствѣ его и какой-нибудь развалившійся мостъ будетъ до втораго пришествія ждать подчинки, если только не случится проѣхать по той дорогѣ губернатору или иному какому-нибудь начальству.

Переходя засимъ къ разсмотрѣнію ограниченій общественныхъ правъ литвиновъ, какъ поляковъ, мы естественно укажемъ здѣсь лишь тѣ изъ нихъ, которыя не касаются ихъ, какъ особой національности, ибо этимъ послѣднимъ посвящается нами особая глава. Ограниченіями такими являются: 1) воспрещеніе въ частныхъ домахъ собраній и съѣздовъ безъ вѣдома полиціи и 2) воспрещеніе пѣнія недозволенныхъ пѣсенъ. Воспрещенія эти, въ числѣ великаго множества разныхъ другихъ установленныя еще во время существованія въ краѣ военнаго положенія, особымъ распоряженіемъ включены въ число тѣхъ, которыя сохраняютъ свою силу и по настоящее время [1]) Нарушеніе воспрещеній этихъ подвергаетъ виновныхъ въ немъ денежнымъ штрафамъ, размѣръ которыхъ генералъ-губернаторскими распоряженіями неоднократно былъ измѣняемъ, но нынѣ окончательно установленъ для всѣхъ вообще воспрещеній, сохраняющихъ свою силу, во 100 рублей [2]) Тѣмъ не менѣе однако мнѣ лично извѣстны случаи, что за устройство бала въ солидномъ и зажиточномъ семействѣ виднаго общественнаго положенія безъ увѣдомленія полиціи налагался и уплачивался штрафъ въ 500 рублей. Какъ ни великъ и ни безпримѣренъ генералъ-губернаторскій и полицейскій произволъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ обнимающемъ одну почти этнографическую Литву, тѣмъ не менѣе однако невозможно умолчать, что на основаніи положенія объ усиленной

1) Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 29 апрѣля 1881 г. за N. 326—328.

2) Тамъ-же.

охранѣ, дѣйствующаго въ другихъ мѣстностяхъ россійской Имперіи, штрафъ въ 500 руб. есть административный штрафъ найвысшаго размѣра, налагаемый за такіе проступки, которые не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ устройствомъ бала безъ вѣдома полиціи лнбо съ пѣчіемъ недозволенныхъ пѣсенъ. Считаемъ излишнимъ распространяться здѣсь объ административныхъ оштрафованіяхъ такихъ напр. проступковъ, какъ употребленіе польской упряжи, ибо не можемъ скромный трудъ нашъ наполнять курьезами.

Обращаюсь къ ограниченіямъ имущественныхъ правъ литвиновъ, какъ поляковъ. Однимъ изъ первыхъ изъ нихъ по времени и главнѣйшимъ по значенію представляется законъ 10 декабря 1865 года, [1]) которымъ воспрещено лицамъ такъ называемаго польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать земельную собственность въ девяти губерніяхъ Западнаго края. Со времени воспослѣдованя этаго закона лицамъ этимъ, къ числу которыхъ русской административной практикой относятся и коренные литвины, преграждены были уже всѣ законные способы и пути къ пріобрѣтенію земельной собственности въ краѣ кромѣ наслѣдованія по закону и всякій къ ней доступъ кромѣ арендованія и принятія въ залогъ. Первоначально изъ подъ дѣйствія этого административнаго закона допускались нѣкоторыя изъятія по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ и въ числѣ немногихъ лицъ, удостоившихся Высочайшей милости, были также и коренные литвины,

1) Высочайше утвержденное 10 декабря 1865 года заключеніе особой коммисіи, распубликованное указомъ Правит. Сената отъ 23 декабря 1865 г.

но Высочайше утвержденнымъ 27 декабря 1884 года положеніемъ комитета министровъ эти изъятія отмѣнены и эта Высочайшая милость, немногимъ дарованная, отобрана. Для должнаго уразумѣнія способовъ примѣненія и практическаго осуществленія закона 10 декабря 1865 года, дополненнаго Высочайше утвержденнымъ 27 декабря 1884 года положеніемъ комитета министровъ, необходимы извѣстныя поясненія. Разъ лицамъ такъ называемаго польскаго происхожденія воспрещено было пріобрѣтать вновь земельную собственность въ предѣлахъ девяти губерній Западнаго края, то правительственныя учрежденія, совершающія крѣпостные акты на переходъ такой собственности отъ одного лица къ другому, не имѣли уже, само собою разумѣется, права совершать такіе акты на имя лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія, а такъ какъ самое понятіе такого лица ни административными узаконеніями, ни правительственными распоряженіями опредѣлительно установлено не было, то означенныя учрежденія были поставлены въ немалое затрудненіе. Вслѣдствіе этого, по совмѣстному докладу министровъ юстиціи и государственныхъ имуществъ, послѣдовало 4 февраля 1866 г. Высочайшее повелѣніе, по которому, если членамъ присутственнаго мѣста, въ которомъ будетъ совершаться крѣпостной актъ, достовѣрно не извѣстно, что покупщикъ не есть лицо польскаго происхожденія, то къ совершенію акта приступать не прежде, какъ по представленію имъ генералъ-губернаторскаго свидѣтельства, что къ допущенію его къ покупкѣ имѣнія препятствій не встрѣчается. [1]) Какъ

1) Указъ Правит. Сената отъ 25 февраля 1866 г.

изъ общаго смысла этого сенатскаго указа, такъ изъ самаго его наименованія: „какимъ порядкомъ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, должны удостовѣряться въ томъ, что покупающій имѣніе въ Западныхъ губерніяхъ не есть лица польскаго происхожденія", явствуетъ до очевидности, что установленное имъ генералъ-губернаторское свидѣтельство есть ничто иное, какъ лишь простое засвидѣтельствованіе факта, не извѣстнаго учрежденію, долженствующему совершить крѣпостной актъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторы Западнаго края такимъ свидѣтельствамъ о фактѣ самовольно присвоили на практикѣ характеръ разрѣшеній на покупку и засимъ распространили такое требованіе своихъ разрѣшеній на всѣ положительно случаи покупки земельной собственности и въ томъ числѣ даже лицами чисто русскаго происхожденія, отъ которыхъ никакого свидѣтельства по буквальному смыслу вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія не требуется. Если принять во вниманіе, что новыя судебныя и нотаріальныя учрежденія, отъ администраціи независимыя, введены въ Сѣверо-Западномъ краѣ лишь въ 1883 году, то легко понять, какимъ образомъ всевластные генералъ-губернаторы этого края, по мановенію которыхъ дѣйствовали до введенія судебной реформы всѣ положительно учрежденія, могли такъ легко извратить буквальный смыслъ Высочайшаго повелѣнія и свое свидѣтельство о фактѣ превратить въ разрѣшеніе, распространивъ это послѣднее на такихъ даже лицъ, отъ которыхъ никакого свидѣтельства безусловно нетребуется.

Но лицамъ такъ называемаго польскаго происхож-

денія оставались еще доступными принятіе земель въ залогъ и ихъ арендованіе (кромѣ казенныхъ фермъ). Высочайше утвержденными 27 декабря 1884 года правилами воспрещено лицамъ польскаго происхожденія принятіе земельныхъ имуществъ въ залогъ и взятіе ихъ въ аренду на срокъ свыше 12 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше утвержденнымъ тогоже 27 декабря 1884 года положеніемъ комитета министровъ, какъ я упомянулъ уже, постановлено признать всѣ ранѣе выданныя, въ изъятіе отъ закона 10 декабря 1865 г., лицамъ польскаго происхожденія свидѣтельства на пріобрѣтеніе земельной собственности въ предѣлахъ девяти западныхъ губерній потерявши законную силу и отнынѣ уже недѣйствительными. Такъ какъ свидѣтельства такія, выданныя въ силу особой Высочайшей милости по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, ни редакціей, ни внѣшними своими признаками ничѣмъ не отличались отъ свидѣтельствъ, выданныхъ какъ лицамъ русскаго, такъ и нерусскаго (но и непольскаго) происхожденія, то нотаріальныя учрежденія, не имѣя никакой возможности опредѣлить, выдано-ли данное представляемое свидѣтельство въ изъятіе изъ-подъ дѣйствія закона 10 декабря 1865 года или же на общемъ основаніи, т. е. какъ лицу непольскаго происхожденія, были поставлены въ большія затрудненія. Подъ этимъ предлогомъ Высочайше утвержденнымъ 1 ноября 1886 года положеніемъ комитета министровъ всѣ безъ исключенія свидѣтельства, до того времени выданныя всѣмъ лицамъ всѣхъ происхожденій на покупку земельной собственности въ предѣлахъ Западнаго края, объявлены потерявшими свою силу и впредь уже недѣйствительными. Для пріобрѣтенія такого требует-

ся впредь по силѣ тогоже положенія комитета министровъ новое генералъ-губернаторское разрѣшительное свидѣтельство, выданное уже послѣ его воспослѣдованія, т. е. послѣ 1 ноября 1886 года и при томъ требуется равно отъ всѣхъ лицъ, ктобы изъ нихъ какого происхожденія ни былъ, т. е. какъ отъ лицъ русскаго происхожденія, такъ и отъ лицъ польскаго происхожденія, такъ наконецъ и отъ лицъ происхожденія нерусскаго и непольскаго, а выдача такихъ новыхъ свидѣтельствъ предоставлена генералъ-губернаторамъ Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края по собственному ихъ усмотрѣнію, неподлежащему никакой провѣркѣ и ничьему контролю. Такимъ образомъ Высочайшимъ повелѣніемъ 4 февраля 1866 г. предоставлено было генералъ-губернаторамъ этимъ лишь свидѣтельствовать фактъ непольскаго происхожденія лицъ, непринадлежность которыхъ къ лицамъ польскаго происхожденія не представлялась очевидной; это право засвидѣтельствованія факта самопроизвольно превращено генералъ-губернаторами въ право разрѣшенія пріобрѣтенія земельной собственности, ими распространенное на всѣхъ положительно лицъ всѣхъ происхожденій; это самовольное превращеніе права засвидѣтельствованія факта въ право разрѣшенія, втеченіе 20 слишкомъ лѣтъ уничтожавшее всякій смыслъ и всякое дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 1866 года, т. е. двадцатилѣтнее самопроизвольное нарушеніе закона, воплотилось въ Высочайше утвержденное 1 ноября 1886 года положеніе комитета министровъ. Съ его воспослѣдованіемъ для пріобрѣтенія земельной собствеенности въ Западномъ краѣ дѣйствительно требуется уже генералъ-губернаторское разрѣшеніе,

а такъ какъ это послѣднее предоставлено безаппелляціонному усмотрѣнію генералъ-губернатора, то слѣдовательно возможность для всякаго лица купить землю въ этомъ краѣ зависитъ исключительно отъ этаго генералъ-губернаторскаго усмотрѣнія. Хотя повидимому этимъ положеніемъ комитета министровъ лица непольскаго происхожденія въ предѣлахъ Западнаго края въ имущественномъ безправіи уравнены съ лицами польскаго происхожденія и такимъ образомъ эти послѣднія дождались уравненія въ гражданскихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ края хотя бы въ видѣ общаго безправія, тѣмъ не менѣе однако уравненіе такое только кажущееся. Въ то время какъ разрѣшить или неразрѣшить лицу русскаго и вообще непольскаго происхожденія купить имѣніе въ Западномъ краѣ зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора, лицу такъ называемаго польскаго происхожденія такого разрѣшенія онъ по силѣ законовъ 10 декабря 1865 года, 27 декабря 1884 г. и 1 ноября 1886 г. безусловно выдать не имѣетъ права. Такимъ образомъ съ 27 декабря 1884 года закрыты лицамъ польскаго происхожденія всѣ пути къ пріобрѣтенію земельной собстаенности въ Западномъ краѣ кромѣ наслѣдованія по закону и всякій къ ней доступъ кромѣ арендованія на срокъ не свыше 12 лѣтъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія это лишеніе правъ земельной собственности и прегражденіе всякаго въ ней доступа въ предѣлахъ Западнаго края падаютъ также и на коренныхъ литвиновъ и надъ ними тяготѣютъ уже цѣлыхъ 30 лѣтъ.

Вслѣдствіе неопредѣленія русскимъ законодатель-

ствомъ самаго термина „лицо польскаго происхожденія“ вслѣдъ за изданіемъ закона 10 декабря 1865 года возникли недоумѣнія: относится-ли онъ также и къ крестянамъ-католикамъ Западнаго края или не относится? Въ видахъ устраненія подобнаго недоразумѣнія одинъ изъ генералъ-губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края, въ составъ котораго входитъ вся почти этнографическая Литва, въ 1868 году отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ отзывомъ, въ которомъ просилъ министра повергнуть на Высочайшее воззрѣніе предположеніе его, генералъ-губернатора, объ опредѣлительномъ распространеніи дѣйствія закона 10 декабря 1865 года на мѣстныхъ крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія. На генералъ-губернаторское представленіе послѣдовало нижеслѣдующее разрѣшеніе, которое, за его важностью, приводимъ въ буквальномъ изложеніи [1])

„Отзывомъ за N. 173 Ваше Превосходительство изволили просить меня повергнуть на Высочайшее возрѣніе Его Императорскаго Величества предположенія о распространеніи дѣйствія закона 10 декабря 1865 года, о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать вновь имѣнія въ Западномъ краѣ, на мѣстныхъ крестянъ католическаго исповѣданія. Государь Императоръ, согласно всеподданѣйшему докладу моему, въ виду того, что для обсужденія вопроса о водвореніи въ Западномъ краѣ русскаго землевладѣнія была образована особая коммисія, по заключенію коей

1) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 3 іюля 1868 года за N. 6096.

послѣдовало изданіе приведеннаго закона, Высочайше повелить соизволилъ: изъясненное предположеніе внесли на разсмотрѣніе Комитета Гг. Министровъ. Въ исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія мною и было внесено представленіе по сему предмету. Комитетъ Гг. министровъ, по разсмотреніи настоящаго дѣла, находилъ, что установленное указомъ 10 декабря 1865 года воспрещеніе лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать въ Западномъ краѣ имѣнія какъ по буквальному смыслу самаго указа, такъ и въ виду предшествовавшихъ разсмотрѣнію сего вопроса въ особой Коммисіи разсужденій, исключительно касается помѣщиковъ, а не крестьянъ. Вслѣдствіе сего и призвавъ, что мѣра распространенія изъясненнаго запрещенія на крестьянъ — католиковъ въ Западномъ краѣ была бы сопряжена съ расширеніемъ силы указа 10 декабря 1865 г. и ввела бы начало раздѣленія крестьянскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ, и наконецъ крайне стѣснила бы хозяйство мѣстныхъ кростьянъ, тогда какъ едва-ли имѣется въ виду надлежащее число русскихъ покупщиковъ изъ крестьянскаго сословія, комитетъ полагалъ изложенное предположеніе отклонить. Государь Императоръ, въ 14 день минувшаго іюня, положеніе Комитета Высочайше утвердить соизволилъ. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству, для зависящихъ распоряженій къ руководству по вѣренному Вамъ Краю".

Такимъ образомъ попытка открытаго и опредѣлительнаго распространенія на крестьянское населеніе девяти губерній Западнаго края католическаго вѣроисповѣданія воспрещенія пріобрѣтать земельную соб-

ственность въ этомъ краѣ высшей государственной властью была самымъ категорическимъ образомъ отвергнута. Еслибы однако мы изо всего этаго заключили, что крестьяне — католики Западнаго края, а въ ихъ числѣ, слѣдовательно, и вся крестьянская Литва пользуются всѣми тѣми имущественными правами, какія представлены крестьянству всей россійской Имперіи вообще, то впали бы въ самую грубую и непростительную ошибку. Не слѣдуетъ забывать, что никакая земельная покупка въ этомъ краѣ немыслима безъ генералъ-губернаторскаго разрѣшенія, а передъ этимъ правомъ неразрѣшенія, безконтрольнымъ и безаппелляціоннымъ, падаютъ всѣ законныя гражданскія права частныхъ лицъ и въ особенности людей темныхъ и маленькихъ, какими являются крестьяне въ Россіи. Тотчасъ же по воспослѣдованіи вышеприведеннаго Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, имѣющаго силу закона, издано генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края распоряженіе [1]) которымъ онъ вмѣняетъ въ обязанность губернаторамъ „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“ входить (къ нему) съ представленіями о разрѣшеніи крестьянамъ покупки поземельной собственности и при этомъ сообщать обстоятельныя свѣдѣнія о политической благонадежности пріобрѣтателя и его семейства, размѣрахъ пріобрѣтаемаго участка, равно какъ и самой личности продавца, съ надлежащими заключеніями о „соотвѣтственности такого перехода поземельной собственности“. Такимъ образомъ право пріобрѣтенія

1) Циркулярное предложеніе губернаторамъ отъ 13 іюля 1868 г. за NN. 1648—1653.

обрѣтать земельную собственность, никогда въ сущности у крестьянскаго населенія Западнаго края законами Имперіи не отбиравшееся и опредѣлительно потвержденное Высочайшей властью 14 іюня 1868 г., „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“ можетъ быть отобрано генералъ-губернаторскимъ усмотрѣніемъ путемъ невыдачи разрѣшительнаго свидѣтельства и обращено въ нуль. Однимъ изъ дальнѣйшихъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій [1]) право разрѣшенія крестьянамъ пріобрѣтать земельную собственность предоставлено непосредственно губернаторамъ, съ поясненіемъ, что пріобрѣтать такую собственность могутъ только крестьяне вполнѣ благонадежные въ политическомъ отношеніи и посему крестьянамъ края, во всемъ отношеніи неблагонадежнымъ, пріобрѣтеніе въ немъ поземельной собственности разрѣшаемо быть не можетъ. Однимъ изъ дальнѣйшихъ распоряженій того же генералъ-губернатора по тому же предмету покупки крестьянами Сѣверо-Западнаго края кормилицы-земли было нижеслѣдующее, въ виду важности его приводимое мной цѣлкомъ:

„Циркуляромъ предшественника моего Генералъ-Адъютанта Потапова, отъ 17 февраля 1870 года за N. 428, предоставлено Гг. Губернаторамъ непосредственно разрѣшать крестьянамъ покупку поземельной собственности, при соблюденіи условій, указанныхъ въ томъ циркулярѣ. Въ настоящее время, принимая во

---

1) Циркулярное предложеніе генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края губернаторамъ отъ 17 февраля 1870 г. за N. 428.

вниманіе, что хотя въ законѣ 10 декабря 1865 года и не содержится указанія на то, чтобы крестьянамъ католикамъ воспрещалось пріобрѣтеніе земельной собственности въ девяти Западныхъ губерніяхъ и таковое запрещеніе, согласно разъясненію Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 года журнала комитета министровъ, касается только помѣщиковъ, а не крестьянъ, тѣмъ не менѣе, въ виду того обстоятельства, что цѣлью изданія закона 10 декабря 1865 года есть стремленіе Правительства къ уменьшенію въ краѣ числа крупныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, каковыми, несомнѣнно, становятся и крестьяне-католики, пріобрѣвшіе значительныя помѣщичьи имѣнія, по крайней мѣрѣ, они стараются вести такую же жизнь, поддѣлываться подъ ихъ взгяды и не отказываются слѣдовать ихъ указаніямъ, — я съ своей стороны нахожу необходимымъ: крестьянамъ-католикамъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предоставлять право покупать только такое количество земли, какое онъ можетъ обработать силами своей семьи, не заводя фольварочнаго хозяйства съ наемными рабочими и другими признаками помѣщичьяго хозяйства. Вслѣдствіе сего, установивъ норму, какая крестьянамъ-католикамъ можетъ быть разрѣшаема покупка, въ подчиненныхъ мнѣ губерніяхъ, по земельной собственности, а именно: не болѣе шестидесяти десятинъ, я имѣю честь увѣдомить о томъ Ваше Превосходительство, для надлежащаго руководства, покорнѣйше прося Васъ, въ случаяхъ, когда со стороны означенныхъ крестьянъ будутъ возбуждаемы ходатайства о разрѣшеніи имъ покупки земли въ большемъ количествѣ, представлять каждый

разъ на мое усмотрѣніе". [1]) Такимъ образомъ крестьянинъ Сѣверо-Западнаго края, право котораго на земельныя покупки не ограничено законами Имперіи никакими опредѣленными размѣрами, никакимъ предустановленнымъ количествомъ десятинъ, можетъ въ дѣйствительности, разъ онъ католикъ, купить себѣ не болѣе 60 десятинъ, ибо купивъ болѣе, 70 напр. десятинъ, онъ, по генералъ-губернаторской соціальной логикѣ, является уже крупнымъ землевладѣльцемъ и старается поддѣлываться подъ взгляды крупныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія. Вслѣдъ за симъ дѣлаетъ тотъ-же генералъ-губернаторъ распоряженіе, чтобы о крестянахъ католическаго вѣроисповѣданія, ходатайствующихъ о разрѣшеніи земельныхъ покупокъ, собирать самыя точныя свѣдѣнія: „принадлежатъ-ли они къ числу коренныхъ крестьянъ, какой употребляютъ въ домашнемъ быту разговорный языкъ, обладаютъ-ли достаточными средствами для покупки земли, какимъ количествомъ земли уже владѣютъ и могутъ-ли покупаемую землю обрабатывать силами собственной семьи, безъ найма постороннихъ рабочихъ". [2]) Вскорѣ послѣ сего распоряженія отдается распоряженіе, чтобы, въ случаѣ покупки крестьянской артелью помѣщичьяго либо казеннаго имѣнія, приходилось на крестьянъ-католиковъ не болѣе 60 десятинъ на каждаго и чтобы разрѣшительное на покупку свидѣтельство выдавалось подъ такимъ лишь

---

1) Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 23 февраля 1885 г. за N. 6.

2) Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 28 февраля 1885 г. за N. 10.

условіемъ. [1]) Затѣмъ вмѣнено въ обязанность губернаторамъ о крестьянахъ-католикахъ, ходатайствующихъ о разрѣшеніи земельныхъ покупокъ, собирать нижеслѣдующія еще свѣдѣнія: „не состоятъ-ли просители членами костельныхъ братствъ, не служатъ-ли они проводниками религіознаго фанатизма и не являются-ли они посредниками между ксендзомъ и народомъ?“ [2]) Затѣмъ вмѣняется одному изъ губернаторовъ въ серьезнѣйшую обязанность прибѣгнуть къ нижеслѣдующей мѣрѣ. Въ видахъ наиболѣе успѣшнаго выслѣживанія проявленій фанатизма среди крестьянъ-католиковъ Сѣверо-Западнаго края, сверхъ „обычнаго наблюденія“ за мѣстнымъ крестьянствомъ католическаго вѣроисповѣданія, долженъ быть впредь употребляемъ новый пріемъ такого сорта. При объѣздѣ римско-католическимъ епископомъ своей епархіи — наставляетъ генералъ-губернаторъ губернатора — религіозный энтузіазмъ крестьянскаго населенія проявляется особенно рельефно. Вотъ въ это именно время чины полиціи, наблюдая за порядкомъ, должны замѣчать и записывать устроителей и участниковъ различныхъ въ честь епископа овацій, соучастниковъ различныхъ религіозныхъ торжествъ и всѣхъ вообще, выдѣлившихся какимъ-либо выраженіемъ радости либо энтузіазма при встрѣчѣ епископа.. Записи и замѣтки эти „должны служить чинамъ полиціи основаніемъ для дачи отзывовъ о крестьянахъ, ходатайствующихъ о выдачѣ

---

1) Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора губенаторамъ отъ 4 іюня 1885 г. за N. 103.

2) Письмо виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ 19 мая 1887 г. за N. 34—36.

свидѣтельства на покупку земельной собственности. [1]) Затѣмъ предписывается губернаторамъ Сѣверо-Западнаго края крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія, уроженцевъ Царства Польскаго, „не допускать“ до покупки земли въ этомъ краѣ, для чего просто не выдавать этимъ крестьянамъ разрѣщительныхъ свидѣтельствъ на такія покупки. [2]) Затѣмъ совершенно лишены генералъ-губернаторскимъ распоряженіемъ права покупки земли въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края огуломъ цѣлыхъ два сельскихъ католическихъ прихода гродненской губ., следзяновскій и граннонскій, въ наказаніе за сопротивленіе, оказанное полицейскимъ властямъ нѣкоторыми изъ крестьянъ этихъ приходовъ при закрытіи ихъ приходскихъ костеловъ, [3]) за которое, прибавлю отъ себя, виновные понесли уже наказаніе.

Въ то время, какъ весь доступъ для лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія къ земельной собственности въ Западномъ краѣ съ 1884 года ограничивается исключительно арендой на срокъ не свыше 12 лѣтъ, это допущеніе ихъ къ арендѣ относится исключительно до имѣній и земель частныхъ, арендованіе же казенныхъ фермъ и оброчныхъ станой имъ возбранено. Еще въ началѣ 1864 года сдѣлано министерствомъ государственныхъ исмуществъ распоряженіе, чтобы вакачтныя казенныя фермы сдавались въ

1) Письмо виленскаго генералъ-губернатора ковенскому губернатору отъ 19. мая 1889 г. за N. 1808.

2) Циркуляръ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 7. сентября 1891 г. за N. 10.

3) Предложеніе виленскаго генералъ-губернатора гродненскому губернатору отъ 15. ноября 1892 г. за N. 35.

единогодичное арендное содержаніе лицамъ исключительно непольскаго происхожденія [1]). Это чисто административное распоряженіе закрѣплено Высочайше утвержденнымъ 27. августа 1885 г. положеніемъ комитета министровъ, которымъ постановлено: согласно принятому министерствомъ государственныхъ имуществъ съ 1864 г. порядку, не допускать, впередь до особыхъ распоряженій правительства, лицъ польскаго происхожденія къ содержанію казенныхъ оброчныхъ статей въ Западныхъ губерніяхъ, не распространяя этой мѣры на мѣстныхъ крестьянъ католическаго исповѣданія. [2])

Въ главѣ этой далъ я самый бѣглый очеркъ или, точнѣе говоря, перечень ограниченій государственныхъ, общественныхъ и имущественныхъ правъ лицъ такъ называемаго польскаго происхожденія въ западной части Имперіи, лицъ, въ категорію которыхъ включаются и лица народности литовской. Само собою разумѣется, что центръ тяжести всѣхъ этихъ правоограниченій лежитъ въ тѣхъ имущественныхъ земельныхъ правоограниченіяхъ, которыя надаютъ на крестьянское населеніе Западнаго края и въ частности на крестьянскую Литву. Взвѣсимъ же тяжесть эту: не на вѣсахъ справедливости, конечно, не на вѣсахъ даже государственной цѣлесообразности, но на вѣсахъ, наконецъ, общественнаго равенства, а на вѣсахъ са-

1) Циркулярное предложеніе министра госуд. имуществъ управляющимъ палатами госуд. имуществъ отъ 25 февраля 1864 г. за N. 17.

2) Циркуларъ виленскаго генералъ-губернатора губернаторамъ отъ 20 сентября 1885 г. за N. 33.

мого русскаго закона, того закона, который, минуя установленный порядокъ законосовѣщательный, созданъ въ различныхъ малокомпетентныхъ коммисіяхъ и комитетахъ и представляется закономъ происхожденія чисто административнаго. По точному и буквальному смыслу закона 10 декабря 1865 года воспретительное его дѣйствіе относится исключительно къ лицамъ польскаго происхожденія дворянскаго и мѣщанскаго сословій, т. е. къ дворянамъ, гражданамъ, купцамъ и собственно мѣщанамъ, но отнюдь не къ крестьянамъ. По такому же точному и буквальному смыслу Высочайшаго повелѣнія 4 февраля 1866 года установлена обязанность представленія генералъ-губернаторскаго свидѣтельства о непольскомъ происхожденіи исключительно для лицъ изъ этихъ сословій, если при томъ непольское ихъ происхожденіе не извѣстно членамъ присутственнаго мѣста, совершающаго крѣпостные акты, но не для крестьянъ. Не взирая однако на столь ясный и вразумительный смыслъ закона, генералъ-губернаторы Сѣверо-Западнаго края свое засвидѣтельствованіе факта самовольно превратили въ какое-то разрѣшеніе и обязанность представленія такого разрѣшенія, вопреки буквальному смыслу Высочайшаго повелѣнія 4 декабря 1866 года и съ явнымъ превышеніемъ власти, пользуясь подчиненностью имъ прежнихъ палатъ гражданскаго суда, совершавшихъ эти акты, распространили и на крестьянъ, не взирая даже на то, что Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1868 г. положеніемъ комитета министровъ потверждено право крестьянъ на земельныя пріобрѣтенія въ краѣ безъ всякаго различія вѣроисповѣданій и происхожденій. На этой почвѣ

генералъ-губернаторскихъ превышенія власти и нарушенія закона выросли обильныя экономическія тернія, взлелеянныя крестьянскимъ горемъ и политыя мужицкими слезами. Если крестьянинъ-католикъ, добивающійся купить кусокъ кормилицы-земли въ своемъ родномъ краѣ, кажется полицейскому урядннку политически неблагонадежнымъ; если онъ въ домашнемъ быту своемъ отступилъ отъ стародавнаго патріархальнаго бытоваго уклада своихъ предковъ; если онъ произнесъ когда-либо нѣсколько фразъ по польски; если онъ, по понятіямъ полицейскаго урядника, причастенъ религіозному фанатизму; если, по подозрѣнію тогоже урядника, онъ служитъ посредникомъ между ксендзомъ и народомъ; если онъ состоитъ членомъ костельнаго братства или намѣренъ вступить въ таковое; если, по заключенію того же урядника, онъ не можетъ силами собственной семьи обработать того куска земли, который желаетъ купить; если, по заключенію того же урядника, у него не имѣется для покупки этой достаточныхъ средствъ; если по слухамъ, дошедшимъ до самого урядника, отецъ либо дѣдъ его не былъ крестьянинъ, а однодворецъ, мелкій шляхтичъ и т. и.; если во время проѣзда своего епископа онъ черезъ чуръ кричалъ, усердно махалъ шапкой, вылѣзалъ впередъ, втыкалъ елочки около костела или вздумалъ проскакать верхомъ вслѣдъ за епископскимъ экипажемъ до ближайшаго селенія; если въ день имянинъ своего ксендза онъ зажигалъ плошки на плебаніальномъ дворѣ; если онъ ради покупки такого-то имѣнія вошелъ въ артель и при раздѣлѣ его можетъ придтись на его долю свыше 60 десятинъ; если онъ принадлежитъ къ селенію либо приходу, въ которомъ

когда-либо случалось какое-либо сопротивленіе властямъ, должнымъ образомъ, конечно, наказанное; если, наконецъ онъ, этотъ мужикъ-землепскатель, явился сюда, въ Западный край, изъ какой-либо смежной губерніи Царства Польскаго, то ему не суждено никогда уже пріобрѣсть клочка земли въ этомъ краѣ, политомъ потомъ и кровью его предковъ. Не ясно-ли до очевидности, что то „расширеніе силы указа 10 декабря 1865 года", на которое не рѣшился комитетъ министровъ въ 1868 году, что и было утверждено Высочайшей властью, это, повторяемъ, „расширеніе" безпрерывно, систематически и до предѣловъ самыхъ крайнихъ производится около 30 уже лѣтъ генералъ-губернаторами Сѣверо-Западнаго края, прогрессивно возрастая какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ или, правильнѣе говоря, злокачественномъ отношеніи. Чѣмъ болѣе разрастается крестьянское населеніе Сѣверо-Западнаго края или, правильнѣе говоря, виленскаго генералъ-губернаторства, въ нынѣшнемъ его составѣ представляющаго главнѣйшимъ образомъ лишь этнографическую Литву, чѣмъ болѣе потребность этого крестьянскаго населенія въ землѣ возрастаетъ, чѣмъ настоятельнѣе становится для него необходимость земельныхъ покупокъ, тѣмъ все болѣе и болѣе преграждается для него возможность такихъ покупокъ все новыми и новыми изобрѣтеніями административно полицейскаго произвола, построеннаго на явномъ и прямомъ нарушеніи закона, исшедшаго отъ Верховной Самодержавной Власти.

Всякая почти циркуляція земельной ссобственности въ краѣ прекратилась; существованіе виленскаго отдѣленія дворянскаго земельнаго банка и въ особен-

ности виленско-ковенскаго и гродненскаго отдѣленій крестьянскаго поземельнаго банка представляется излишнимъ; крестьянская Литва изъ года въ годъ нищаетъ; весь край повергнуть въ полнѣйшій экономическій застой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЛИТВИНОВЪ ВЪ РОССІИ, КАКЪ КАТОЛИКОВЪ.

Приступая къ изображенію положенія литовскаго народа въ Россіи, какъ народа римско-католическаго исповѣданія, считаю необходимымъ пояснить прежде всего, что такъ какъ задачей моей является изображеніе лишь положенія даннаго католическаго народа въ некатолическомъ государствѣ, то я естественно не стану касаться здѣсь вовсе ни положенія литовскаго римско-католическаго духовенства, какъ сословія, ни государственнообщественнаго положенія на Литвѣ римско-католической церкви въ собственномъ смыслѣ и ея учрежденій, а займусь лишь изображеніемъ положенія церковно-народной единицы, именуемой приходомъ, въ ея религіознообрядовомъ и религіознонравственномъ быту.

Основные законы россійской Имперіи признаютъ полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ иновѣрцевъ, какъ христіанъ, такъ и нехристіанъ.

„Всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданые россійскаго государства, прирожденные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ русской службѣ или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются, каждый повсемѣстно, сво-

бодным отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной". (Основные государ. законы, Сводъ Законовъ т. I. ч. 1 изд. 1892 г., ст. 44).

„Свобода вѣры присвояется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, да всѣ народы въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца объ умноженіи благоденствія и силы Имперіи" (тамъ же, ст. 45).

Положеніе римско-католической церкви въ Западномъ краѣ, въ составъ котораго входитъ вся почти этнографическая Литва, а также и въ Царствѣ Польскомъ, въ составъ котораго входитъ сувалкская губ., по большей части населенная литвинами, находится въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ вышеприведенными основными законами Имперіи. Основываясь на нѣкоторомъ участіи римско-католическаго духовенства въ извѣстномъ польскомъ возстаніи 1863 года, русское правительство объявило его пропагандистомъ и проводникомъ польскихъ политическихъ стремленій, нарушающихъ существенные интересы русскаго государства и въ видахъ пресѣченія и подавленія стремленій этихъ, которыя не могутъ, конечно, подлежать безпрерывной и безсрочной карѣ и втеченіе 30 слишкомъ лѣтъ не могли, конечно, остаться безъ измѣненія, издало цѣлый рядъ всевозможныхъ административныхъ мѣропріятій самаго тяжкаго свойства. Вопреки однако всякой соціальной логикѣ и общественной послѣдовательности многія изъ мѣропріятій этихъ оказались направленными не противъ

римско-католическаго духовенства Западнаго края, этого, по убѣженію правительства, носителя и проводника польскихъ политическихъ стремленій, но противъ самого населенія этого края и въ особенности противъ его крестьянства, которое, по признанію того же правительства, неоднократно торжественно заявленному, непринимало никакого участія въ означенномъ возстаніи. Эти послѣднія только подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

Существуютъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, равно какъ и по всей Малоруси отъ Сяна до Дона, благочестивый обычай сооружать кресты и иныя священныя изображенія на поляхъ, въ садахъ и при дорогахъ. Вслѣдъ за минованіемъ возстанія 1863 года, нѣкоторые кресты и каменные столбы съ иконами, появившіеся въ мѣстностяхъ, ознаменованныхъ какими-либо событіями во время возстанія, вызвали подозрѣніе полиціи въ постановкѣ ихъ въ память этихъ именно событій, что признано цѣлью политической. Циркуляромъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края отъ 8 іюня 1864 года [1]) воспрещено католикамъ сооруженіе на поляхъ, дорогахъ и вообще внѣ кладбищъ и костеловъ крестовъ и другихъ изображеній, а равно исправленіе старыхъ — безъ разрѣшенія гражданской власти. Циркуляръ этотъ втеченіе цѣлыхъ 14 лѣтъ пораждалъ постоянныя, почти непреодолимыя препятствія для совершенно невинныхъ и безобидныхъ выраженій народнаго благочестія и причинилъ немало

1) Сборникъ распоряженій генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьева. Изданіе Цылова. Вильна 1864 г.

оскорбленій и огорченій крестьянской Литвѣ и Бѣлоруси. Наконецъ лѣтомъ 1878 года генералъ-губернаторъ края генералъ-адъютантъ Альбединскій повергнулъ на Высочайшее воззрѣніе нижеслѣдующее. Обычай ставить кресты и иныя священныя изображенія на поляхъ и при дорогахъ распространенъ въ Малороссіи, среди православнаго населенія гродненской губ. и въ иныхъ мѣстахъ. Онъ вошелъ въ жизнь народа и имѣетъ тѣсную связь съ ея бытовой стороной. По этому, очевидно, на воспрещеніе этого обычая, а равно и на его преслѣдованіе въ той или иной формѣ народъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на нарушеніе своихъ исконныхъ вѣрованій, притѣсненіе религіи и поруганіе предметовъ, священныхъ въ его понятіи. Въ этомъ отношеніи особенно должно оскорбляться чувство римско-католиковъ, поселенія которыхъ перемѣшаны съ поселеніями православныхъ. Если крестьянинъ-католикъ безъ особыхъ хлопотъ не можетъ поставить на своемъ полѣ или у своей деревни крестъ, который между тѣмъ совершенно безпрепятственно ставитъ его сосѣдъ-православный, то въ душѣ его невольно зараждается ничѣмъ не искоренимое подозрѣніе, что причиной всѣхъ этихъ стѣсненій является сокровенное желаніе и тайное стремленіе правительства обратить католиковъ въ православіе. [1]) По этому генералъ-губернаторскому представленію послѣдовало 1 декабря того же 1878 года Высочайшее повелѣніе, которымъ предоставлено генералъ-адъютанту Альбединскому, не издавая особаго циркуляра по вопросу

1) Письмо къ министру внутренныхъ дѣлъ отъ 24 іюня 1878 г. за N. 70.

о постановкѣ крестовъ, пригласить подвѣдомственныхъ ему начальниковъ губерній и лично разъяснить имъ, чтобы мѣстная полиція не возбраняла сельскому населенію сооруженіе и возобновленіе, по установившемуся обычаю, крестовъ при дорогахъ и на поляхъ, давая безъ затрудненія разрѣшеніе, когда таковое испрашивается и не возбуждая дѣлъ и преслѣдованій, когда таковаго испрошено не было, наблюдая лишь, чтобы на крестахъ не появлялось надписей на польскомъ языкѣ и какихъ-либо неумѣстныхъ изображеній, не допускаемыхъ общимъ закономъ. [1]) Хотя въ приведенномъ Высочайшемъ повелѣніи не проявилось рѣшимости уничтожить вовсе вышеприведенный муравьевскій циркуляръ, созданный исключительно на почвѣ военнаго положенія края, давно уже отмѣненнаго, тѣмъ не менѣе въ немъ предписывается опредѣлительно примѣненію существующего обычая безусловно не препятствовать ни въ какой формѣ. Между тѣмъ мѣстная администрація даетъ Высочайшему повелѣнію этому крайне ограничительное толкованіе, относя его исключительно къ постановкѣ именно простыхъ деревянныхъ крестовъ и одними лишь крестьянами, но не лицами другихъ сословій. Если поэтому соорудитъ крестъ на полѣ, при дорогѣ, въ паркѣ, въ саду и т. д. дворянинъ, мѣщанинъ либо купецъ или же соорудитъ его и крестьянинъ, но не простой деревянный, а деревянный съ рѣзнымъ деревяннымъ либо металлическимъ распятіемъ, чугунный на камен-

1) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 4 декабря 1878 г. за N. 175.

номъ постаментѣ, какой-либо металлическій съ какой либо иконой или лампадой, какой-либо каменный съ нишей для лампадки либо цвѣтовъ и т. д., то дѣла и преслѣдованія, категорически воспрещенныя вышеприведеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, возбуждаются, налагаются на соорудителей болѣе или менѣе значительные штрафы и нерѣдко самыя сооруженія подвергаются сломкѣ. Подобный образъ дѣйствій администраціи и полиціи края, представляющійся, помимо его нелегальности, прямо безоглядным и безмысленнымъ, возбуждаетъ въ народной массѣ одно лишь негодованіе и ожесточеніе, даетъ ея религіозному чувству и настроенію совершенно ложное направленіе, во всѣхъ отношеніяхъ нежелательное и въ значительной степени способствуетъ тому образованію въ массѣ этой такъ называемаго фанатизма, которое приписывается всецѣло вліянію ксендзовъ.

Циркуляромъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края фонъ-Кауфмана, послѣдовавшимъ въ началѣ 1866 года, [1]) торжественные крестные ходы римско-католической церкви въ городахъ совершенно воспрещаются, въ селеніяхъ же, если по тѣснотѣ костела совершеніе крестнаго хода внутри него окажется невозможнымъ, допускается совершеніе его внѣ костела, но исключительно лишь внутри костельной ограды и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернатора. Другимъ циркуляромъ того-же генералъ-губернатора [2]) предписывается, чтобы во время народныхъ бѣдствій допускались католическіе крестные ходы вокругъ се-

1) Отъ 24. января за N. 138.

2) Отъ 14. февраля 1866 г. за N. 264.

ленія или вокругъ полей въ тѣхъ лишь селеніяхъ, гдѣ имѣются одни лишь костелы и вовсе не имѣется православныхъ церквей, гдѣ же эти послѣднія имѣются, крестные ходы могутъ производиться лишь православнымъ священникомъ со своими прихожанами. Согласно распоряженіямъ этимъ католическіе крестные ходы оказываются возможными: 1) лишь въ селеніяхъ, 2) лишь съ особаго разрѣшенія губернатора, 3) лишь въ предѣлахъ костельной ограды и 4) лишь во время народныхъ бѣдствій внѣ этой ограды, но тамъ лишь, гдѣ вовсе не имѣется православныхъ церквей. Признавая подобный порядокъ ненормальнымъ генералъ-губернаторъ Альбединскій въ 1878 году обращается къ министру внутреннихъ дѣлъ [1]) объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на то, чтобы: 1) поставить разрѣшеніе римско-католическихъ крестныхъ ходовъ въ равныя условія съ крестными ходами православными, т. е. поставить эти ходы въ зависимость отъ разрѣшенія католическаго эпархіальнаго начальства, которое обязано лишь сообщать начальству гражданскому о данномъ имъ разрѣшеніи и 2) въ ковенской губ., какъ сплошь населенной католиками, разрѣшить крестные ходы внѣ костеловъ въ установленые дни. По представленію этому послѣдовало 1. декабря того же 1870 года. [2]) Высочайшее повелѣніе, которымъ уважена лишь вторая его половина, а именно: „Относительно крестныхъ ходовъ ограничиться дозволеніемъ

1) Письмо къ министру отъ 24. іюнія 1878 г. за N. 70.

2) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ виленскому генералъ-губернатору отъ 4. декабря 1878 г. за N. 175.

оныхъ внѣ церквей лишь въ селеніяхъ ковенской губ., гдѣ сплошное римско-католическое населеніе и притомъ въ установленые дни, съ сохраненіемъ существующихъ ограниченій для найболѣе дальныхъ и многолюдныхъ процессій". Съ 1886 года заведены въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ особне реэстры католическихъ крестныхъ ходовъ, дозволенныхъ къ совершенію въ опредѣленные праздники и дни и подъ условіемъ допушенія пріѣзда въ такой то приходъ такихъ-то настоятелей сосѣднихъ приходовъ. Реэстры эти отъ времени до времени обновляются и съ каждымъ обновленіемъ такимъ постепенно уменьшается какъ число самыхъ дозволенныхъ ходовъ, такъ и число допущеныхъ къ совершенію въ оградѣ костела, а не внутри его. За отступленіе отъ издаваемыхъ генералъ-губернаторомъ реэстровъ, т. е. за совершеніе крестныхъ ходовъ во дни, въ нихъ не указанные, а равно за совершеніе хода въ костельной оградѣ во дни, въ которые они назначены по реэстру къ совершенію внутри костела, подвергаются виновные въ такихъ отступленіяхъ ксендзы штрафамъ до 100 рублей за каждое. [2])

Такимъ образомъ католическое населеніе городовъ Сѣверо-Западнаго края около 30 уже лѣтъ не видитъ надлежащаго хода внѣ стѣнъ костельныхъ, въ такіе даже великіе праздники, какъ день св. Пасхи. Что должно чувствовать это населеніе, въ такіе дни въ особенности и какъ должно оно понимать установленныя воспрещенія? Какъ извѣстно, во время стихій-

---

3) Циркулярное распоряженіе виленскаго генералъ-губернатора отъ 29. апрѣля 1881 г. за N. 326—328.

ныхъ бѣдствій, каковы: градобитіе, засуха, нашествіе саранчи, частые пожары и т. п., во всенародной молитвѣ съ крестными ходами и окропленіями освященной водой полей и жилищъ исщутъ благочестивыя массы народныя утѣшенія и избавленія. Крестьянинъ-католикъ Сѣверо-Западнаго края, будьто литвинъ или бѣлоруссъ, лишенъ этаго безобиднаго и безхитростнаго утѣшенія и ободренія, разъ только въ его селеніи имѣется православная церковь. Спрашивается: что долженъ онъ питать къ этой церкви и какъ долженъ онъ понимать ея значеніе? Изъ года въ годъ населеніе края возрастаетъ, а вмѣстимость римско-католическихъ его костеловъ, построеныхъ десятки, а иногда же и сотни лѣтъ тому назадъ, остается тойже. Нынѣ уже лишь четвертая приблизительно часть прихожанъ безпрепятственно вмѣщается въ костелахъ края, а во время большихъ праздниковъ, когда является къ богослуженію весь почти приходъ, большая часть молящихся остается подъ открытымъ небомъ, за стѣнами храма. Между тѣмъ генералъ-губернаторскіе реэстры и распоряженія изъ года въ годъ все болѣе и болѣе крестныхъ ходовъ и процессій вгоняютъ внутрь костеловъ, гдѣ и безъ всякихъ ходовъ и процессій большая часть прихода не можетъ вмѣститься, а ходы эти и процессіи представляются абсолютно невозможными. Остается одно изъ двухъ: либо нарушать распоряженія генералъ-губернаторскія и подвергаться штрафамъ и инымъ наказаніямъ въ административномъ порядкѣ, либо совершать ходы согласно этимъ распоряженіямъ, во что бы то ни стало. За рѣдкими исключеніями избирается второе, ибо не совершать ходовъ въ назначенные церковными уставами дни невозможно. И вотъ тамъ

изомнутъ старика, тамъ задавятъ ребенка, тамъ повредятъ беременную женщину, тамъ вынесутъ въ обморокѣ женщину слабую или малокровную, не выдержащую духоты и давки, тамъ искалѣчатъ какого либо подростка и т. д. Но власть генералъ-губернаторская и губернаторская остается глуха къ голосу человѣческаго страданія, никому не нужнаго и ни къ чему доброму не ведущаго и къ доводамъ физической необходимости, столь осязательнымъ и очевиднымъ. Попытка генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Альбединскаго измѣнить этотъ установившійся порядокъ вещей, до очевидности нелѣпый и въ государственномъ отношеніи далеко небезвредный, какъ мы видѣли уже, не увѣнчалась успѣхомъ, а съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1878 года, онъ несомнѣнно весьма возросъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Участіе въ устройствѣ или исправленіи своего приходскаго храма составляетъ естественное право каждаго вѣрующаго христіанина, какъ по законамъ божескимъ, такъ и по законамъ человѣческимъ, какъ по праву каноническому, такъ и по праву гражданскому. Основные законы Имперіи, мной выше приведенные, естествено не дѣлаютъ по сему предмету никакихъ ограниченій. Въ тоже время законы церковнаго устройства иновѣрныхъ исповѣданій въ русскомъ государствѣ для постройки вновь римско-католическихъ церквей, въ видахъ необходимости въ сихъ случаяхъ соображеній финансовыхъ и административныхъ и соблюденія правилъ строительныхъ, требуютъ испрошенія желающими такой постройки распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ, что же касается возобновленія церквей обветшалыхъ или по какому

либо несчастному случаю разрушившихся, а равно ихъ подчинки, то такія возобновленіе и подчинка, какъ римско-католическихъ церквей, такъ равно и филій, каплицъ и алтарей, производятся съ разрѣшенія римско-католическаго духовнаго начальства (уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Свода Законовъ т. XI, ч. 1, по очередному продолженію 1893 года, приложеніе, ст. 107 пп. 1, 3, 4). Между тѣмъ, вопреки ясному и буквальному смыслу приведенныхъ законовъ, по генералъ-губернаторскому распоряженію, окончательно потвержденному однимъ изъ циркуляровъ графа Тотлебена, [1]) участіе какъ въ устройствѣ вновь, такъ даже и въ возобновленіи или исправленіи костеловъ, каплицъ и алтарей безъ генералъ-губернаторскаго разрѣшенія влечетъ за собой для ревностнаго прихожанина штрафъ до 100 рублей, назначаемый тѣмъ же генералъ-губернаторомъ. Выходитъ такимъ образомъ, что возобновенія, подчинки и исправленія, закономъ предоставленныя компетенціи католическаго духовнаго начальства, генералъ-губернаторами края самовольно включаются въ собственную свою компетенцію, а соблюденіе закона ими карается штрафами.

Погребеніе усопшаго составляетъ послѣдній и самый торжественный актъ земнаго существованія человѣка, невольно вызывающій благоговѣйное настроеніе, какъ въ участникахъ этого акта, такъ равно и въ постороннихъ зрителяхъ. Актъ этотъ, сопряженный съ наибольшими обрядностями и наибольшимъ стеченіемъ народа, не ускользнулъ, конечно, отъ бдительнаго ока генералъ-губернаторовъ Сѣверо-Западнаго края. Цир-

1) Циркуляръ отъ 29. апрѣля 1881 г. за N. 326—328.

куляромъ генерала Каханова, послѣдовавшимъ въ 1887 году, [1]) строго воспрещено при проводахъ покойниковъ католическаго вѣроисповѣданія пѣніе на улицахъ погребальныхъ молитвъ на польскомъ языкѣ составляющимъ шествіе народомъ съ поясненіемъ, что пѣніе молитвъ этихъ допускается лишь на кладбищахъ, причемъ воспрещено также вмѣстѣ съ тѣмъ и употребленіе въ римско-католическомъ погребальномъ шествіи какихъ бы то ни было процессіональныхъ знаковъ кромѣ креста, т. е. хоругвей, фонарей и иконъ. Такъ какъ циркуляромъ этимъ воспрещалось пѣніе лишь польскихъ только погребальныхъ пѣснопѣній и притомъ собственно составляющимъ шествіе народомъ — безъ участія ксендза, то пѣніе тѣхъ же пѣснопѣній на латинскомъ языкѣ и при участіи ксендза являлось вполнѣ согласнымъ съ буквой генералъ-губернаторскихъ погребальныхъ распоряженій. Посему, имѣя всегда впереди шествія ксендза и отпѣвая покойника подъ его руководствомъ по латыни, римско-католическое населеніе края отдавало должнымъ образомъ послѣдній долгъ своимъ усопшимъ, не нарушая въ то же время буквы административно-полицейскихъ воспретительныхъ распоряженій. Но новымъ циркулярнымъ распоряженіемъ генерала Оржевскаго, послѣдовавшимъ въ 1894 году, [2]) воспрещено при католическихъ погребеніяхъ пѣніе какихъ бы то ни было погребальныхъ молитвъ и пѣснопѣній вплоть до самого

---

1) Циркуляръ губернаторамъ отъ 24. ноября за N. 1421—1429.

2) Циркуляръ губернаторамъ отъ 14 октября за N. 1610.

прибытія погребальнаго шествія на кладбище къ приготовленной могилѣ, причемъ предписано вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи не допускать при шествіяхъ этихъ несенія какихъ бы то ни было процессіональныхъ знаковъ кромѣ креста. Такимъ образомъ съ 14 октября 1894 года умершій католикъ Сѣверо-Западнаго края, въ нынѣшнемъ его составѣ обнимающаго почти одну лишь Литву, лишенъ даже христіанскаго напутствія въ жизнь вѣчную. Произволъ генералъ-губернаторскій, сопутствуемый штрафами и административными арестами, не только предшествуетъ его вступленію въ міръ христіанскій, ибо терроризованные ксендзы отказываются крестить дѣтей изъ-за различія въ одной буквѣ въ крестьянскихъ и мѣщанскихъ паспортахъ сравнительно съ метриками, но и слѣдуетъ за этимъ злополучнымъ католикомъ-литвиномъ либо бѣлоруссомъ даже за предѣлы его земнаго существованія, ступаетъ по пятамъ за собравшимися отдать послѣдній долгъ умершему собрату, налагаетъ на уста ихъ печать мертвеннаго безмолвія на всемъ пути отъ жилища почившаго до его свѣжей могилы, стоитъ за спиной ксендза въ моментъ отданія „послѣдняго рыданія“ и тупо глядитъ въ его могилу, когда сырая земля стучитъ по крышкѣ только что закрывшагося гроба. Даже близкое кровное родство съ умершимъ, принимаемое въ расчетъ русскими уголовными законами даже въ случаяхъ тягчайшихъ преступленій, не спасаетъ провинившагося въ нарушеніи воспрещеній не только существующихъ, но даже и не существующихъ. Такъ напр. лѣтомъ 1893 года сынъ и близкіе родственники и сосѣди умершаго крестьянина ковенской губерніи Антона Каспутиса въ простотѣ душевной устроили

покойному погребеніе съ музыкой. Хотя воспрещенія погребенія кого-либо съ музыкой не существуетъ, даже въ Сѣверо-Западномъ краѣ, тѣмъ не менѣе однако за музыку эту при погребеніи Каспутиса поплатились: ксендзъ Жебрисъ — штрафомъ во 100 рублей, всѣ музыканты — трехдневнымъ арестомъ при полиціи, а сынъ покойнаго Иванъ Каспутисъ — арестомъ недѣльнымъ. [1])

Къ числу вѣроисповѣдныхъ правъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, относится также право полученія дѣтьми и юношествомъ обученія началамъ своей религіи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Католики какъ Сѣверо-Западнаго края, къ которому относится вся почти этнографическая Литва, такъ равно и Царства Польскаго, въ составъ котораго входитъ губернія сувалкская, въ большей своей части представляющая обрывокъ тойже этнографической Литвы, лишены такого обученія. Дѣло въ томъ, что съ 1870 года учебное управленіе Сѣверо-Западнаго края, при содѣйствіи петербургскаго министерства народнаго просвѣщенія, стало систематически проводить замѣну польскаго языка русскимъ какъ въ богослуженіяхъ, отправляемыхъ для учениковъ гимназій, такъ и въ разныхъ молебствіяхъ, отправляемыхъ для нихъ же въ высокоторжественные дни, такъ наконецъ и въ обыденныхъ ихъ молитвословіяхъ, для чего прежній польскій католическій молитвенникъ по распоряженію управленія

---

1) Резолюція генералъ-губернатора виленскаго на представленіи ковенскаго губернатора отъ 6 августа 1893 года за N. 10.148.

учебнаго округа прелатомъ Нѣмекшею переведенъ былъ на русскій языкъ. Новый русскій католическій молитвенникъ управленіемъ округа разосланъ во всѣ гимназіи края. Такъ какъ однако по этому предмету, представлявшему нѣкоторое нововведеніе въ область католическаго вѣроисповѣданія, тѣмъ болѣе что молебствія и богослуженія для учениковъ гимназій совершаются обыкновенно въ одномъ изъ общихъ приходскихъ костеловъ, ни вѣдомство народнаго просвѣщенія, ни министерство внутреннихъ дѣлъ не вошло въ соглашеніе съ представителями римско-католической церкви, то между начальствами учебныхъ заведеній и нѣкоторыми изъ законоучителей римско-католическаго вѣроисповѣданія возникли конфликты. Такіе же конфликты порождены были сдѣланнымъ учебнымъ управленіемъ Сѣверо-Западнаго края въ 1880 году распоряженіемъ о вожденіи учениковъ—католиковъ въ царскіе дни къ богослуженію въ православныя церкви. Конфликты эти не устранены до сего времени, не смотря на то, что русское правительство, возобновивъ недавно дипломатическія сношенія съ папой, располагаетъ полной возможностью полюбовнаго улаженія возникшихъ недоразумѣній. Между тѣмъ во избѣжаніе ихъ министерство народнаго просвѣщенія въ Петербургѣ въ началѣ 1890 года выработало особыя правила о снабженіи аттестатами учениковъ — католиковъ разныхъ учебныхъ заведеній виленскаго учебнаго округа, вовсе не проходившихъ курса закона божія и не державшихъ изъ него экзаменовъ. Правила эти представляютъ очевидно ничто иное, какъ совершенное лишеніе гимназическаго юношества римско-католическаго вѣроисповѣданія въ Сѣверо-Западномъ краѣ

религіознаго обученія. Подобные же конфликты имѣютъ мѣсто и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ этого края, что представляетъ собой явленіе въ высокой степени прискорбное, ибо ни крестьянская среда, ни въ особенности крестьянскія дѣти не могутъ, конечно, маломальски оріентироваться и разобраться въ существѣ и значеніи этихъ безпрерывныхъ столкновеній и пререканій между двумя авторитетами: учебнымъ начальствомъ и ксендзомъ. Во всякомъ случаѣ результатомъ этихъ конфликтовъ являются періодическія устраненія ксендзовъ въ народныхъ училищахъ отъ преподаванія закона божія, продолжительныя неназначенія новыхъ преподавателей и прекращенія такого преподаванія на мѣсяцы и даже годы. Отсюда именно проистекаетъ то крайне прискорбное явленіе, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ и въ особенности въ ковенской губ., представляющей сплошное католическое населеніе, чрезвычайно мало крестьянскихъ дѣтей получаетъ свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности, единственно вслѣдствіе обнаруживающихся на экзаменахъ крайне слабыхъ познаній по закону божію. Эти крестьянскія дѣти — тѣ именно ученики народныхъ училищъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, которые не могли получить должнаго обученія закону божію своего вѣроисповѣданія вслѣдствіе пререканій между двумя авторитетами. Что касается сувалкской губ., то въ ней дѣйствуетъ заведенный многоизвѣстнымъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа Апухтанымъ порядокъ совершеннаго устраненія римско-католическихъ священниковъ отъ преподаванія закона божія въ начальныхъ училилищахъ. Порядокъ этотъ, представляющій явное нарушеніе прямого смысла

Высочайшаго повелѣнія отъ 30. августа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, нарушеніе, заведенное первоначально по словесному распоряженію покойнаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. Толстого въ 1879 году, по двумъ протестамъ бывшаго генералъ-губернатора края генералъ-адъютанта Гурко разсматривался: въ 1890 г. — въ особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и при участіи самого генералъ-губернатора и въ 1892 году — въ комитетѣ министровъ. Обѣ эти высшія правительственныя инстанціи единогласно признали образъ дѣйствій попечителя варшавскаго учебнаго округа и подвѣдомственныхъ ему начальствъ неправильнымъ и незаконнымъ. Тѣмъ не менѣе однако этотъ порядокъ, неправильный и незаконный, продолжается до сего времени и систематическое недопущеніе римско-католическаго духовенства къ преподаванію закона божія въ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго, заведенное 17 лѣтъ тому назадъ, отнюдь не прекращено и даже не ослаблено. Изъ 2863 начальныхъ училищъ Царства лишь въ 154 преподавался законъ божій римско-католическаго исповѣданія въ 1892 году католическими священниками, въ остальныхъ же 2709 религіозное обученіе дѣтей-католиковъ велось свѣтскими учителями, нерѣдко православными и евангеликами, т. е. совершенно другого вѣроисповѣданія. Представляется очевиднымъ, что литовское юношество въ гимназіяхъ и дѣти литовскаго народа въ начальныхъ училищахъ въ значительнѣйшей ихъ части лишены вовсе религіознаго обученія. Во всемъ этомъ конфликтѣ властей учебныхъ и духовныхъ имѣется однако

одна замѣчательная сторона, никѣмъ почти до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не замѣченная. Если ужъ зашло дѣло о замѣнѣ въ молитвенникахъ для учащагося католическаго юношества Сѣверо-Западнаго края, а равно и въ дополнительной части отправляемыхъ для него богослуженій традиціоннаго языка католическаго богослуженія въ этомъ краѣ, т. е. польскаго, какимъ-либо инымъ, то нельзя не видѣть, что для значительной части гимназическаго юношества этого края, принадлежащей къ народности литовской и для народныхъ училищъ губерніи ковенской и большей части виленской и гродненской, наполненныхъ сплошь дѣтьми литовской народности, языкъ этотъ долженъ быть замѣненъ никакимъ инымъ, какъ только ихъ роднымъ языкомъ, т. е. литовскимъ, равно какъ на этомъ же языкѣ должно вестись преподаваніе закона божія для литвиновъ какъ въ народныхъ училищахъ, такъ и въ гимназіяхъ. Между тѣмъ втеченіе цѣлой четверти вѣка мы видимъ лишь въ предѣлахъ Западнаго края и на территоріи этнографической Литвы, кусокъ который примежеванъ къ Царству Польскому, борьбу и соперничество между двумя государственными языками: бывшимъ государственнымъ — польскимъ и нынѣшнимъ государственнымъ — русскимъ, о языкѣ же народномъ никто до сихъ поръ почти и не подумалъ. Явленіе это во всей его полнотѣ и всемъ его государственнообщественномъ значеніи будетъ разсмотрено естественно въ слѣдующей главѣ, посвященной положенію литвиновъ въ Россіи, какъ особой національности.

Я обозрѣлъ въ чертахъ самыхъ общихъ административныя мѣропріятія русскаго правительства, направ-

ленныя не противъ римско-католическаго духовенства Западнаго края, обуреваемаго, по увѣреніямъ этого правительства, мятежнымъ духомъ польскихъ политическихъ симпатій и стремленій, не противъ учрежденій этой римско-католической церкви, не противъ учрежденій наконецъ, тѣсно съ церковью этой связанныхъ, а непосредственно противъ католическаго населенія Сѣверо-Западнаго края или, что почти тоже самое, противъ всей крестьянской Литвы и большей части крестьянской Бѣлоруси. Но я не коснулся еще самаго важнаго и наиболѣе серьезнаго вида правительственной репрессіи на это католическое населеніе обширнѣйшей западной окраины Имперіи. Это — упраздненіе цѣлыхъ римско-католическихъ приходовъ и закрытіе приходскихъ костеловъ. Съ самаго 1863 года съ лихорадочной поспѣшностью и какой-то ненормальной суетливостью изъ года въ годъ спѣшитъ русское правительство или, правильнѣе говоря, петербургское министерство внутреннихъ дѣлъ и виленское генералъ-губернаторское управленіе уничтожить возможно большее количество католическихъ въ краѣ приходовъ и закрыть возможно большее число остающихся отъ уничтоженныхъ приходовъ костеловъ. Дѣло ведется съ такой стремительностью и такой таинственостью, какъ будтобы эти римско-католическія церкви — какіе-то грозные бастіоны, направленные непосредственно на средоточія правительственной власти, центральной и мѣстной, на Петербургъ и Вильну, будтобы каждый крестьянскій вздохъ, въ нихъ раздавшійся, каждый лучъ свѣта и каждый звукъ человѣческаго голоса, изъ нихъ исходящій, способны поколебать громадное зданіе русскаго государства и лишь тогда,

когда эти храмы крестьянской Литвы и Бѣлоруси будутъ пусты и глухи, государственная безопасность будетъ обеспечена. Закрытія эти естественно возбудили въ населеніи края и въ особенности въ его крестьянствѣ чувство горечи и настроеніе беспокойства. Населеніе это изъ года въ годъ возрастаетъ, а слѣдовательно и приходы ежегодно же численно увеличаваются; удовлетвореніе нуждъ ихъ и потребностей однимъ и тѣмъ же персоналомъ католическихъ священниковъ становится все затруднительнѣе и затруднительнѣе; а между тѣмъ приходы эти, и безъ того въ численномъ отношеніи сильно разросшіеся, безпрестанно закрываются и стягиваются къ сосѣднимъ. Такимъ образомъ получаются сконцентрированные римско-католическіе приходы, столь огромные, что удовлетвореніе ихъ церковныхъ и религіознобытовыхъ потребностей все тѣми же силами католическаго священства становится уже невозможнымъ. Если крестьянину приходится ѣхать въ воскресный либо праздничный день къ богослуженію за какихъ-нибудь 30—40 верстъ; если подобное же путешествіе въ 60—80 верстъ вынужденъ онъ дѣлать въ великопостную распутицу, чтобы отговѣться; если въ такую же даль приходится ему въ зимніе морозы либо осеннее ненастье везти окрестить новорожденнаго младенца; если цѣлую недѣлю приходится ему дожидаться прибытія своего ксендза для погребенія покойника либо хоронить послѣдняго вовсе безъ напутствія священническаго; то ему есть, естественно, отъ чего придти въ безпокойство. Кромѣ того крестьянству присущъ вообще консерватизмъ и подчиненіе силѣ привычки. Когда цѣлыя крестьянскія поколѣнія сжились и сроднились

со своей церковью; когда съ ней, этой церковью, въ такомъ то селеніи и мѣстѣ находящейся, связаны всѣ важнѣйшіе моменты крестьянской жизни и крестьянской доли, всѣ ея воспоминанія, какъ радостныя, такъ и горестныя; когда въ церкви этой сходились, молились и роднились ихъ отцы и дѣды; то церковь эта вырастаетъ въ безхитростномъ и малоспособномъ къ отвлеченіямъ мозгу крестьянскомъ въ какое-то живое существо, существо ему родное и близкое, съ которымъ онъ не можетъ разстаться. По этому когда появляется внезапно въ его селеніи полицейскій эскортъ, чтобы этотъ его сельскій храмъ закрыть, лишить его исходящаго для него изъ этого храма свѣта и тепла, умертвить, такъ сказать, это живое для него существо и наложить на это послѣднее печать вѣчнаго безмолвія и полнаго запустѣнія; то крестьянство это сначала умоляетъ, потомъ проситъ, затѣмъ настаиваетъ, далѣе требуетъ и наконецъ переходитъ въ сопротивленіе. Административные шантажисты, строющіе свои служебныя карьеры на запугиваніи русскаго правительства разными призраками и страхами и на горѣ и слезахъ народныхъ, до такой степени успѣли ослѣпить его, что оно не способно видѣть и понимать вещей и явленій самыхъ простыхъ, естественныхъ и очевидныхъ и въ своей костелоистребительной политикѣ отъ строгости перешло къ ожесточенію, а отъ ожесточенія къ террору. Минуя пока всѣ эти безконечные процессы о крестьянскихъ сопротивленіяхъ властямъ при закрытіи костеловъ и въ томъ числѣ даже знаменитѣйшій изъ нихъ — извѣстный процессъ крожскій, упомянемъ лишь, что костелы, въ послѣдніе годы закрытые въ Сѣверо-Западномъ краѣ, следзяновскій, граннонскій и

крожскій, не только закрыты и запечатаны, но даже взорваны на воздухъ посредствомъ динамита, [1]) такъ что не осталось отъ нихъ камня на камнѣ. Замѣчательно, что мѣстное крестьянство не только католическое, но и православное, не смотря на неоднократныя предложенія полицейскихъ властей, нетолько не соглашается пользоваться безплатно остающимися отъ разрушенныхъ костеловъ строительными матеріалами, но даже за сравнительно высокую плату вывозить матеріалы эти для свалки въ яры и обрывы. Благочестивая душа крестьянская гнушается всякой пользой и какимъ бы то ни было заработкомъ, проистекающимъ изъ такого безбожнаго источника, какъ разрушеніе христіанскаго храма, причинившаго при томъ столько горя и несчастій его крестьянскимъ собратьямъ, хоть бы даже и другого христіанскаго вѣроисповѣданія.

Изложенныя замѣчанія, при всей ихъ бѣглости и краткости, достаточно очерчиваютъ положеніе литвиновъ въ Россіи, какъ католиковъ, а факты, въ нихъ приведенные, не нуждаются ни въ какихъ дальнѣйшихъ поясненіяхъ и комментаріяхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЛИТВИНОВЪ ВЪ РОССІИ, КАКЪ ОСОБОЙ НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

Приступая къ изображенію положенія литвиновъ въ Россіи, какъ особой національности, я долженъ

1) Телеграмма гродненскаго губернатора виленскому генералъ-губернатору отъ 29 августа 1892 года за N. 1272 и представленіе ковенскаго губернатора тому же генералъ-губернатору отъ 16 декабря 1893 г. за N. 15.882.

указать прежде всего, что изображеніе такое представляетъ большія трудности. Какъ извѣстно, вся почти этнографическая Литва, вся почти цѣликомъ территорія народа литовскаго входитъ въ составъ Имперіи россійской (вся сплошь губернія ковенская, большая часть губерній виленской и гродненской, значительная часть губерніи сувалкской и нѣкоторая часть губерніи курляндской) и лишь совершенно незначительный сравнительно обрывокъ ея относится къ восточной Пруссіи. Такимъ образомъ въ составѣ Имперіи россійской огромнѣйшая часть территоріи народа литовскаго входитъ въ составъ генералъ-губернаторства Сѣверо-Западнаго края или виленскаго, за предѣлами котораьо остается лишь сравнительно гораздо меньшая часть этнографической Литвы въ губерніи сувалкской, относящейся къ генералъ-губернаторству варшавскому да маленькій ея осколокъ, обрывокъ собственно Жмуди, съ м. Полангеномъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ отъ Литвы оторванный и присоединенный къ Курляндіи. Какъ можно было видѣть изъ предшествующаго изложенія, генералъ-губернаторство виленское, обнимающее огромнѣйшую часть этнографической Литвы, находится въ отношеніи системы управленія въ положеніи столь необычайномъ и исключительномъ, что съ этимъ послѣднимъ не могутъ итти ни въ какое сравненіе иныя мѣстности Имперіи, находящіяся въ положеніи усиленной и даже чрезвычайной охраны. Вполнѣ естественно, что вслѣдствіе подобнаго положенія литовскаго края литовское національное движеніе, зародившееся сравнительно недавно и нынѣ находящееся лишь въ періодѣ своего роста и укрѣпленія, загнано глубоко въ самые сокровенные

тайники народной жизни и боязливо пролагаетъ себѣ дорогу совершенно окольными путями. При подобныхъ обстоятельствахъ изображеніе положенія литовскаго народа, какъ національности, представляется очевидно задачей весьма сложной и въ высшей степени трудной.

Для должнаго его уразумѣнія надлежитъ выяснить прежде всего, на какой ступени своего развитія народилось литовское національное самосознаніе въ моментъ освобожденія крестьянъ, совпавшій, какъ извѣстно, съ возникновеніемъ извѣстнаго польскаго возстанія 1863 года. Не смотря на сильнѣйшую полонизацію Литвы, существовала все таки кое-какая литовская письменность. Не говоря уже о переводѣ на литовскій языкъ отдѣльныхъ книгъ священнаго писанія и изданія на этомъ языкѣ молитвенниковъ, порожденныхъ, конечно, распространеніемъ на Литвѣ протестанства, борьба, возникшая между этимъ послѣднимъ и римскимъ католицизмомъ, создала даже нѣкоторую полемическобогословскую литературу на этомъ же языкѣ. Представителемъ протестантизма являлась прусская Литва и средоточіемъ протестанскихъ литовскихъ изданій были Тильзитъ и Кенигсбергъ, а представителемъ католицизма являлась польская Литва и ближайшимъ образомъ собственно Жмудь и средоточіемъ католическихъ литовскихъ изданій была Вильна. Не входя въ перипетіи, продолжительность и исходъ борьбы этой, во многихъ отношеніяхъ представляющей высокій соціологическій интересъ, скажу лишь, что во всей этой церковно-богословской литературѣ, родившейся на языкѣ литовскомъ, не было ни малѣйшаго проблеска какого-либо національного самосознанія, а

языкъ этотъ былъ призванъ къ литературному употребленію единственно ради цѣлей практическихъ, въ видахъ воздѣйствія на массы народныя. Первые проблески литовскаго національнаго самосознанія появляются около двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ 1824 г. профессоръ Реза издаетъ въ Кенигсбергѣ литовскій переводъ басенъ Эзопа, а въ 1825 году сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Еще въ 1818 году издана имъ же также въ Кенигсбергѣ извѣстная поэма Донелайтиса „Годъ въ четырехъ пѣсняхъ“ съ нѣмецкимъ переводомъ, сдѣланнымъ имъ такимъ же размѣромъ, какимъ написанъ литовскій подлинникъ, отличающійся большими поэтическими достоинствами. За Донелайтисомъ и профессоромъ Резой выступаетъ на арену литовской литературной дѣятельности въ прусской Литвѣ проф. Куршайтисъ, съ 1849 году начавшій въ Кенигсбергѣ изданіе литовской газеты „Kelaiwis“. Съ другой стороны въ русской Литвѣ въ тридцатыхъ годахъ выступаютъ на поприще литовскаго литературнаго движенія Станевичъ и извѣстный Довконтъ, а за нимъ Ивинскій и епископъ Волончевскій. Первый литовскій календарь появляется въ 1846 г. въ прусской Литвѣ, а уже въ слѣдующемъ 1847 появляется такой же календарь въ Вильнѣ. Если дѣятельность Станевича, Ивинскаго и Волончевскаго, епископа жмудскаго, принося значительную пользу народу литовскому, не подымалась выше средняго уровня литературно-просвѣтительной дѣятельности, посвященной народу, въ массѣ котораго національное самосознаніе еле просыпалось, то зато литературная дѣятельность Довконта, питомца виленскаго университета, представляется несомнѣнно выдающейся. Не говоря уже

объ изданныхъ имъ учебникахъ и книжкахъ популярно-научнаго содержанія, о сдѣланныхъ имъ переводахъ басенъ Федры и исторіи Корнелія Непота, имъ предназначившихся собственно для воспитанниковъ гимназій п. т. д., его „Обычаи старолитовскіе“ и „Исторія Литвы“, нынѣ лишь печатающаяся въ одномъ изъ американскихъ литовскихъ изданій, представляются трудами фундаментальными, значеніе которыхъ непреходяще. Такимъ образомъ литовское національное самосознаніе пробудилось впервые въ высшемъ, шляхетскомъ сословіи литовскаго народа, пробудилось, какъ видимъ, сравнительно довольно рано, ибо двадцатые годы нашего вѣка являются періодомъ первыхъ національныхъ движеній въ Европѣ. Возродившись впервые на почвѣ этого высшаго сословія народа литовскаго, сильно полонизованнаго, литовское національное движеніе нашло однако въ ней достаточно питательныхъ соковъ и пуская въ ней свои живительныи корни все глубже и глубже, постепенно разрасталось и укрѣплялось, такъ что къ началу шестидесятыхъ годовъ отпрыски корней этихъ достигли уже подпочвы, т. е. массы народа литовскаго и стали пускать въ ней свои ростки. Освобожденіе крестьянъ въ 1863 году, призывая къ новой жизни народъ литовскій, давало литовскому національному движенію новую, богатую почву и создавамо для него притокъ новыхъ, свѣжихъ, бодрыхъ силъ. Для литовскаго національнаго просвѣтительнаго и литературнаго движенія наступала новая эра и ему открывалась свѣтлая будущность. Но здѣсь, на самой зарѣ національнаго возрожденія Литвы, произошло нѣчто совершенно неожиданное въ исторіи общественности и государствен-

ности положительно безпримѣрное. Распоряженіемъ генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края генерала Муравьева въ 1864 году печатаніе литовскихъ книгъ латинскихъ шрифтомъ воспрещено и предписано впредь печатать литовскій текстъ русскими буквами.

Прежде чѣмъ приступить къ разъясненію всего государственнообщественнаго значенія этого по истинѣ чудовищнаго распоряженія и всѣхъ послѣдствій, имъ порожденныхъ, постараемся проникнуть въ его внутренній смыслъ и его дѣйствительные мотивы. Возстаніемъ 1863 года русское правительство было настолько напугано, что уже не расчитывало даже удержать за Россіей Царство Польское и рѣшило лишь употребить всѣ усилія, чтобы не потерять хотя Западный край. Задача эта возложена была на генерала М. Н. Муравьева. Прибывъ въ край этотъ въ маѣ 1863 года въ качествѣ полновластнаго диктатора и безконтрольнаго разпорядителя жизни и смерти всѣхъ и каждаго, онъ привезъ уже съ собой въ Вильну готовое, чисто теоретическое, конечно, объясненіе того возстанія, усмирить которое бымъ призванъ, въ значительной степени вопреки убѣжденіямъ и желанію самого Императора Александра II. Возстаніе это представлялъ себѣ генералъ Муравьевъ ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и проявленіемъ польскаго національнаго духа. Умъ совершенно негосударственный, къ пониманію и разрѣшенію государственныхъ задачъ первостепенной важности вовсе не подготовленный, полный политическихъ мистицизма, суевѣрія, предразсудковъ и забобоновъ, не старался изслѣдовать и уяснить себѣ сущность столь остраго общественнаго пароксизма, опредѣлить дѣйствительныя, жизненныя, общественныя

причины возстанія и путемъ успокоительнаго воздѣйствія на эти послѣднія достичь его прекращенія, а ухватился за готовое его объясненіе чисто мистическаго характера, соотвѣствовшее уму грубому, поверхностному и неразвитому. А такъ какъ воображаемый духъ національный, какъ и всякій духъ вообще, совершенно безплотенъ и никакому непосредственному и моментальному воздѣйствію не поддается, то генералъ Муравьевъ ничего иного, само собою разумѣется, изобрѣсть и немогъ, какъ только физическое истребленіе мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, пугавшихъ его воображеніе. Начавъ свою дѣятельность по „умиртворенію“ края рядомъ самыхъ безразборчивыхъ, безтолковыхъ и возмутительнѣйшихъ повѣшеній, которыя продлили лишь возстаніе, по своей неподготовленности и безпочвенности долженствовавшее стихнуть безъ этихъ повѣшеній гораздо ранѣе, онъ перешелъ затѣмъ къ системѣ истребленія въ краѣ польскаго языка, польской цивилизаціи, польской культуры и польскаго просвѣщенія. Всѣ эти элементы національности, по его теоріи исполненной мятежнаго духа и неблагонадежной въ политическомъ отношеніи вообще, предназначаются къ истребленію въ предѣлахъ Западнаго края, а на ихъ мѣсто должны быть насаджены и водворены въ этомъ краѣ элементы національности русской, какъ, по его представленію, немятежной, покорной и въ политическомъ отношеніи благонадеждной. Не надобно обладать ни особыми знаніями, ни особой проницательностью, чтобы знать и понимать, что имѣются лишь отдѣльныя личности благонадежныя и неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи — въ данное время и въ

данномъ государствѣ, принадлежащія, конечно, ко всевозможнымъ національностямъ, цѣлыя же національности огуломъ благонадежными либо неблагонадежными въ политическомъ отношеніи не бываютъ и быть немогутъ. Подобное раздѣленіе цѣлыхъ національностей на благонадежныя и неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи, какъ вообще, такъ и въ особенности безотносительно ко времени, переживаемой эпохѣ и данному уровню всеобщаго общественнаго развитія, представляется явнымъ и очевиднымъ соціальнымъ абсурдомъ. Если въ циркулярахъ своихъ губернаторамъ Сѣверо-Западнаго края отъ 5. и 6. іюня 1863 года [1]) самъ генералъ Муравьевъ признаетъ, что съ одной стороны существуютъ въ Западномъ краѣ лица польскаго происхожденія, заявившія себя испытанной преданностью русскому правительству, съ другой же — имѣются въ немъ также и лица непольскаго происхожденія, причастныя къ мятежу и участвовавшія въ безпорядкахъ, если засимъ въ журналахъ комитета министровъ отъ 11. и 18. декабря 1884 года, воплотившихся затѣмъ въ извѣстный законъ 27. декабря тогоже года, нами выше неоднократно помянутый, само это высшее правительственное учрежденіе Имперіи признаетъ уже неблагонадежной въ политическомъ отношеніи также и національность русскую, [2]) вслѣдствіе чего всѣ выданныя ранѣе на покупку земельной

1) См. Сборникъ Цылова.

2) Выписка изъ журналовъ комитета, секретно сообщенная министромъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернаторамъ виленскому и кіевскому и девяти губернаторамъ Западнаго края.

собственности свидѣтельства признаны недѣйствительными; — то представляется очевиднымъ, что принципъ раздѣленія національностей на благонадежныя и неблагонадежныя вообще и въ частности признаніе польской народности спеціальнымъ воплощеніемъ политической неблагонадежности, а русской—политической благонадежности самымъ же правительствомъ русскимъ признанъ несостоятельнымъ. Между тѣмъ этотъ именно абсурдъ, эта игра больнаго воображенія политическихъ маньяковъ, это нелѣпое порожденіе политическаго суевѣрія положены въ основаніе всей системы управленія Западнымъ краемъ, длящейся уже свыше 30 лѣтъ и всего спеціальнаго русскаго законодательства, для этого края созданнаго. Какъ бываетъ весьма нерѣдко, одинъ общественнополитическій призракъ породилъ другой. Какъ извѣстно, языкъ представляется лишь внѣшнимъ выраженіемъ національности и на одномъ и томъ же языкѣ выражаются чувства, мысли и понятія не только различныя, но и совершенно противуположныя. Между тѣмъ политической маніей муравьевскаго происхожденія польскій языкъ, это в н ѣ ш н е е выраженіе польской національности, отождествленъ съ тѣмъ с а м ы м ъ п о л ь с к и м ъ національнымъ д у х о м ъ, который представлялся напуганному воображенію жалкихъ маньяковъ духомъ бунта, неповиновенія властямъ и политической неблагонадежности. Отсюда проистекаетъ это отчаянное преслѣдованіе польскаго языка. Но развитіе этой русской общественно-политической маніи, развитіе, какъ и всѣхъ острыхъ болѣзненныхъ процессовъ, весьма быстрое, на этомъ еще не остановилось. Всякому понятно, что какъ языкъ является лишь внѣшнимъ

выраженіемъ національности, такъ въ свою очередь извѣстный алфавитъ является внѣшнимъ начертаніемъ языка. Однако самый алфавитъ латинскій грезился Муравьеву и приснымъ его первоэлементомъ и первообразомъ бунта, неповиновенія и неблагонадежности. Зная всетаки, что литовскій народъ есть народъ особый, въ значительной степени воспринявшій польскую культуру и латинскій алфафитъ принявшій отъ народа польскаго, они затѣяли искорененіемъ въ литовской письменности этого латинскаго алфавита истребить въ немъ самый духъ польскій, этотъ, по ихъ представленію, духъ неповиновенія и неблагонадежности и принудительнымъ насажденіемъ въ литовской литературѣ алфавита русскаго вкоренить въ него духъ русскій, представлявшійся имъ духомъ повиновенія, преданности правительству и благонадежности. Таково происхожденіе этого чудовищнаго запрещенія употребленія въ литовской печати латинскаго алфавита. Представляется очевиднымъ, что оно порождено общественнополитическими галлюцинаціями и призвано къ бытію острой общественнополитической маніей. Если въ Муравьевѣ и ближайшихъ преемникахъ его манія эта можетъ быть всетаки объяснена тѣмъ паническимъ страхомъ, какой внушало русскому правительству извѣстное возстаніе 1863 года, то нельзя не удивляться, что и до сихъ поръ еще, втеченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, не отрезвились русскія правящія сферы отъ этой скорбной маніи, не смотря на то, что событіе 1 марта 1881 года дало имъ достаточно внушительный урокъ политическаго свойства, показавъ и степень основательности раздѣленія національностей на благонадежныя и неблагонадежныя, и степень благонадежности русскаго алфавита.

Независимо отъ всей своей нелѣпости это воспрещеніе употребленія латинскаго алфавита въ литовской печати вызываетъ весьма основательныя недоумѣнія относительно его законности. Воспретительныя распоряженія разнаго рода были изданы въ силу военнаго положенія, на которомъ находился Сѣверо-Западный край въ шестидесятыхъ годахъ вслѣдствіе возстанія и на основаніи чрезвычайныхъ временныхъ полномочій, предоставленныхъ Высочайшей властью первымъ по возникновеніи возстанія генералъ-губернаторомъ этого края. Съ отмѣной въ немъ военнаго положенія, всѣ эти воспретительныя распоряженія, вызванныя обстоятельствами совершенно исключительными и изданныя въ видѣ мѣръ временныхъ въ силу и на основаніи временныхъ же чрезвычайныхъ полномочій, конечно, потеряли свою законную силу и нынѣ представляются уже, съ момента отмѣны военнаго положенія, незаконными и недѣйствительными. Такъ какъ однако всѣ эти генералъ губернаторскія воспретительныя распоряженія формально отмѣнены не были, то создалась какая-то неопредѣленность положенія края, благодаря которой особыя полномочія мѣстной генералъ-губернаторской власти, съ отмѣной военнаго положенія прекратившіяся, фактически продолжаются до сего времени. Само правительство сознавало всю законную ненормальность подобнаго положенія и результатомъ сознанія такого было Высочайше утвержденное 23 іюня 1871 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ генералъ-губернаторами Западнаго края, пересмотрѣть изданные въ прежнее время главными начальниками края циркуляры и тѣхъ изъ

нихъ которые должны, по ихъ заключенію, сохранить свое дѣйствіе на будущее время, представить черезъ комитетъ министровъ на Высочайшее утвержденіе. Однако это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта до сихъ поръ еще, т. е. втеченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ, не исполнено и различныя воспрещенія, изданныя на время дѣйствія въ краѣ военнаго положенія и съ его отмѣнои утратившія всякую законную силу, а въ томъ числѣ и воспрещеніе печатанія литовскаго текста латинскимъ шрифтомъ, до сихъ поръ еще фактически и беззаконно тяготѣютъ надъ этимъ злополучнымъ краемъ.

Обратимся теперь къ государственнообщественному значенію этого воспрещенія и послѣдствіямъ, имъ пораждаемымъ. Извѣстный способъ начертанія письменъ, извѣстный алфавитъ, разъ воспринятый извѣстнымъ народомъ, вкореняется и вростаетъ, такъ сказать, въ жизнь народную, становится органическимъ неискоренимымъ ея достояніемъ. Народъ литовскій наравнѣ со многими славянскими народами, какъ то — чехи, хорваты, поляки и т. д., воспринялъ, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, алфавитъ латинскій и въ силу этого этотъ послѣдній сталъ движущимъ орудіемъ его просвѣщенія, орудіемъ исконнымъ, неизбѣжнымъ и необходимымъ. Подобныя органическія принадлежности народной жизни не могуть быть устранены или уничтожены какими быто ни было полицейскими запрещеніями. Предъ этой компактной силой всего уклада бытія народнаго, сложившагося вѣками, подобныя полицейскія воспрещенія совершенно безсильны и могутъ лишь искажать его нормальное теченіе и развитіе. Воспрещеніе употребленія латинскаго алфавита въ

литовской печати равносильно поэтому совершенному воспрещенію печатанія на литовскомъ языкѣ. И дѣйствительно съ 1864 года печатаніе литовскихъ книгъ и періодическихъ изданій въ русской Литвѣ, т. е. на пространствѣ всей почти территоріи народа литовскаго, вовсе прекращается и сосредоточивается всецѣло на томъ клочкѣ народной территоріи, который входитъ въ составъ Пруссіи. Все, что пишется по литовски въ предѣлахъ Россіи, отправляется въ Тильзитъ и все, что читается по литовски въ предѣлахъ Россіи, выво зится изъ Тильзита и тайными путями переправляется черезъ русскую границу. Подобное сосредоточеніе производства и поставки умственной пищи всего литовскаго народа въ маленькой и второстепенной части народнаго организма представляется, конечно, совершенно анормальнымъ и наноситъ огромный подрывъ и страшный вредъ литовскому просвѣщенію, литовской цивилизаціи и литовской литературѣ. Изо всѣхъ народовъ земнаго шара народъ литовскій является единственнымъ народомъ, которому пресѣчена возможность естественнаго культурнаго роста и нормальнаго литературнаго развитія путемъ какого-то полицейскаго воспрещенія, представляющагося еще притомъ незаконнымъ даже съ точки зрѣнія самаго русскаго законодательства. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что какъ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 1795 года о присоединеніи Литвы къ россійской Имперіи, такъ равно актами вѣнскаго конгресса 1815 года признаны и обеспечены за Литвой всѣ тѣ права, которыми пользовалась она до этого присоединенія, а къ числу такихъ органическихъ правъ принадлежитъ, конечно, и право употребленія латинскаго алфавита, такъ что

его запрещеніе, измышленное и введенное на время военнаго положенія края и съ его отмѣной не отмѣненное, представляется нелегальнымъ во сто кратъ.

Обратимся теперь къ другимъ сторонамъ національнаго существованія литовцевъ въ Россіи. Полученіе элементарнаго образованія на народномъ языкѣ составляетъ одно изъ основныхъ правъ національности, повсюду признанныхъ. Само русское законодательство, не смотря на то, что многіе его акты минуютъ законосовѣщанія Государственнаго Совѣта и издаются въ порядкѣ чисто административномъ, признало въ нѣкоторой степени это право. Высочайшій указъ отъ 30 августа 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ въ ст. 49-ой гласитъ, что преподаваніе во всѣхъ начальныхъ училищахъ должно производится на природномъ языкѣ жителей. Такъ въ большей части губерніи сувалкской такимъ природнымъ языкомъ жителей является языкъ литовскій, то слѣдовательно и преподаваніе въ начальныхъ училищахъ этой части должно производиться на этомъ языкѣ. Однако это буквальное требованіе закона въ литовской части сувалкской губ. приведено въ исполненіе не было, а въ 1871 году бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. Толстой дѣлаетъ словесное распоряженіе о постепенномъ введеніи во всѣхъ начальныхъ училищахъ Царства преподаванія на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ простымъ словеснымъ распоряженіемъ министра одно изъ существеннѣйшихъ положеній Высочайшаго повелѣнія, до сихъ поръ сохраняющаго свою законную силу, отмѣняется и дарованное этимъ послѣднимъ нѣкоторой части литовскихъ дѣтей, еще 32 года тому назадъ, право обучаться начаткамъ зна-

нія на своемъ родномъ языкѣ у нихъ фактически, вопреки буквальному смыслу закона, втеченіе цѣлыхъ тѣхъ же 32 лѣтъ отымается. Нечего говорить уже, конечно, о томъ, что и во всей остальной этнографической Литвѣ, какъ относящейся къ генералъ-губернаторству виленскому, такъ и входящей въ составъ Курляндіи, преподаваніе въ начальныхъ училищахъ производится по русски. Всѣ тѣ трудности и мучительства, какія создаетъ для дѣтей усвоеніе начатковъ знанія на чужомъ языкѣ, на столько общеизвѣстны и общепонятны, что мы не станемъ здѣсь о нихъ распространяться.

По принятой всюду системѣ наука религіи или такъ называемый законъ божій излагается въ гимназіяхъ и прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на національномъ языкѣ. Когда Высочайше утвержденнымъ 1 мая 1869 года положеніемъ комитета министровъ введено съ начала 1869—1870 учебнаго года во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Царства Польскаго преподаваніе на русскомъ языкѣ, то преподаваніе закона божія оставлено по прежнему на языкѣ польскомъ. Между тѣмъ даже этимъ національнымъ правомъ, предоставленнымъ въ предѣлахъ Царства народности польской, не пользуется въ Россіи народность литовская. Какъ въ гимназіяхъ и прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края, такъ и въ такъ называемой маріампольской части Литвы (литовская часть сувалкской губерніи) воспитанники литовской народности слушаютъ законъ божій по русски, равно какъ обязаны они слушать молебствія, проповѣди и разныя дополнительныя къ богослуженію молитвы по русски и въ своемъ домашнемъ быту употреблять

русскіе молитвенники, изданные виленскимъ учебнымъ округомъ.

Это послѣднее обстоятельство вводитъ уже насъ въ болѣе широкую область вопроса о введеніи русскаго языка въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ католическое богослуженіе вообще, имѣющаго свою богатую исторію. Въ то время какъ учебное вѣдомство этого края добилось введенія русскаго молитвенника въ учебное и домашнее употребленіе учениковъ-католиковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и введенія русскаго языка въ дополнительныя части католическихъ богослуженій, для нихъ совершаемыхъ какъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ даже и за ихъ стѣнами въ приходскихъ костелахъ, попытки введенія русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе въ краѣ вообще, предпринятыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, потерпѣли серьезную неудачу. Не входя въ подробности всей этой исторіи, скажемъ лишь, что воспитанники учебныхъ заведеній и населеніе края суть двѣ величины совершенно различныя во всѣхъ отношеніяхъ и что вопросъ былъ поставленъ совершенно неправильно, чѣмъ и объясняется означенная неудача. Государству не принадлежитъ право регулировать языкъ богослуженія и введеніе русскаго языка въ католическое богослуженіе на томъ лишь единственно основаніи, что это языкъ государственный и притомъ еще собственнымъ распоряженіемъ правительственной власти, безъ соглашенія съ представителями высшей власти церковной, не осуществимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ не представляется также основаній и къ оставленію въ католическомъ богослуженіи въ Западномъ краѣ языка польскаго, ибо внѣ большихъ

городовъ и болѣе значительныхъ городковъ населеніе края не говоритъ по польски. Между тѣмъ есть въ каноническомъ правѣ римско-католической церкви постановленія, которыя разрѣшаютъ вопросъ этотъ совершенно справедливо и притомъ согласно современнымъ требованіямъ національности. Это — положенія извѣстнаго клермонскаго собора, признаваемаго католической церковью вселенескимъ, о такъ называемомъ lingua vernacula. Согласно положеніямъ этимъ въ католическихъ приходахъ со смѣшаннымъ населеніемъ дополнительное богослуженіе производится на языкѣ большинства этого населенія — lingua vernacula. Такимъ lingua vernacula являются въ Западномъ краѣ, кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ, языки литовскій, бѣлорусскій и малорусскій. Сами представители русской правительственной власти поняли, по истеченіи извѣстнаго времени, крупную ошибку, ими сдѣланную требованіемъ введенія государственнаго языка въ католическое богослуженіе въ предѣлахъ Западнаго края и стремленіемъ произвести такое введеніе путемъ непосредственнаго своего воздѣйствія на отдѣльныхъ священниковъ помимо высшей власти церковной. Виленскій генералъ-губернаторъ генералъ Кахановъ въ 1885 году входитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ по предмету изъятія польскаго языка изъ употребленія въ католическомъ богослуженіи, [1]) о чемъ онъ ранѣе неоднократно докладывалъ Государю Императору во всеподданнѣйшихъ отчетахъ и особой докладной запискѣ. Въ представле-

1) Представленіе отъ 23 сентября того года за N. 4515.

ніи этомъ онъ заявляетъ, что правительство никогда не стремилось ко введенію непремѣнно русскаго языка въ католическое богослуженіе, а лишь къ изъятію польскаго и замѣнѣ этого послѣдняго какимъ бы то ни было другимъ, почему онъ, генералъ-губернаторъ, основаясь какъ на дѣйствительномъ употребленіи разныхъ языковъ населеніемъ края, такъ на католическихъ постановленіяхъ католической церкви о lingua vernacula, настаиваетъ на изъятіи польскаго языка въ краѣ изъ католическаго богослуженія и обязательной замѣнѣ его, кромѣ большихъ городовъ, гдѣ удерживается по прежнему языкъ польскій, языками литовскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ. Вопросъ, какъ видимъ, былъ поставленъ совершенно правильно и прочно обоснованъ какъ на почвѣ права каноническаго, такъ равно и на почвѣ правъ національныхъ. Но комитетъ министровъ, какъ видно изъ его журналовъ, [1]) не отвергая справедливости такой реформы по существу, испугался однако, чтобы она не возродила въ Сѣверо-Западномъ краѣ вреднаго сепаратизма, подобнаго украинофильству и вслѣдствіе подобнаго опасенія ее отвергъ, предпочитая остаться при языкѣ польскомъ, что и закрѣплено Высочайше утвержденнымъ 11 мая 1887 года положеніемъ комитета. Такимъ образомъ общественнополитическіе призраки, какими до сихъ поръ еще полонъ для ослѣпленныхъ очей петербургскаго правительства Сѣверо-Западный край, и на этотъ разъ помѣшали осуществленію

1) Сообщены виленьскому генералъ-губернатору министромъ внутреннихъ дѣлъ при письмѣ отъ 23 ноября 1886 г. за N. 6.042.

реформы, которая, удовлетворяя національнымъ потребностямъ и требованіямъ народа литовскаго, какъ обоснованная вмѣстѣ съ тѣмъ на каноническомъ правѣ римско-католической церкви, не могла встрѣтить противодѣйствія высшихъ представителей этой церкви. Правда, и теперь предоставлено сельскому католическому духовенству на Жмуди говорить проповѣди по жмудски, не между такимъ предоставленіемъ и обязательнымъ введеніемъ національнаго языка во все дополнительное католическое богослуженіе на всемъ пространствѣ этнографической Литвы, какое было проэктировано, существуетъ, очевидно, огромная разница. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ семидесятыхъ годахъ, когда дѣлались правительствомъ попытки ко введенію въ это дополнительное богослуженіе на Литвѣ и Бѣлоруси русскаго государственнаго языка и притомъ помимо высшей власти церковной, возникавшіе конфликты заканчивались всегда замѣной польскаго языка въ этомъ богослуженіи латинскимъ и такимъ образомъ образовалось во многихъ мѣстностяхъ Литвы, равно какъ и Бѣлоруси, сплошное латинское богослуженіе безъ единаго слова на языкѣ народномъ, не существующее ни въ какой другой странѣ. То обстоятельство, что вышепомянутый проэктъ введенія національныхъ языковъ въ католическое богослуженіе въ Западномъ краѣ вмѣсто польскаго исходилъ отъ правительственной власти въ собственныхъ ея видахъ ни мало не измѣняетъ обьективной стороны дѣла, заключающейся въ удовлетвореніи въ извѣстной сферѣ правъ національныхъ и въ частности національности литовской.

Право изученія національнаго языка въ учебныхъ

заведеніяхъ, низшихъ и среднихъ, составляетъ также одно изъ основныхъ правъ національности въ наше время. Этимъ правомъ народъ литовскій въ предѣлахъ Россіи почти не пользуется. Правда, въ гимназіяхъ маріампольской и сувалкской, относящихся къ варшавскому учебному округу, введено преподаваніе литовскаго языка (по литовски), вмѣсто польскаго, но за то въ гимназіяхъ ковенской и шавельской, сплошь почти состоящихъ изъ литвиновъ, а также и въ гимназіяхъ виленскихъ и гродненской, имѣющихъ немало воспитанниковъ литовской народности, языкъ литовскій вовсе не преподается. Что касается народныхъ школъ и училищъ, то по всей Литвѣ, входящей въ составъ Россіи, обученіе родному языку въ нихъ не производится. Сдѣлана въ послѣднее время правительствомъ попытка ко введенію преподаванія по литовски литовскаго языка и исторіи Литвы въ ковенской духовной семинаріи, но при полномъ отсутствіи руководствъ и учебниковъ по этимъ предметамъ на литовскомъ языкѣ такое преподаваніе пока не осуществимо. Много препятствуетъ также преподаванію по литовски вообще и въ частности литовскаго языка принужденіе учащихся къ употребленію въ языкѣ этомъ русскаго алфавита, который къ употребленію такому совершенно не приспособленъ и въ таковое войти не можетъ.

Здѣсь приходится намъ еще разъ остановиться нѣсколько на этомъ предметѣ. Если суевѣрный страхъ, внушаемый въ литовскихъ письменахъ латинскимъ шрифтомъ дѣятелямъ муравьевскаго закала и пошиба, нынѣ присущъ уже весьма немногимъ, то зато имѣется еще не такъ мало сторонниковъ принудительнаго

и насильственнаго введенія въ литовскую печать рускаго алфавита въ видахъ отдѣленія основоначалъ литовской народности отъ началъ польской народности и пріобщенія ея къ началамъ народности русской. Между тѣмъ, какъ языкъ является лишь внѣшнимъ выраженіемъ человѣческихъ чувствъ и мыслей и усвоеніе извѣстнаго языка далеко не равносильно и не равнозначуще съ пріобщеніемъ къ народности, языкомъ этимъ говорящей, такъ въ особенности алфавитъ, представляющій лишь способъ начертанія звуковъ, является лишь внѣшнимъ изображеніемъ языка и естественно ни съ существомъ чувствъ и мыслей, на изображаемомъ языкѣ выражаемыхъ, ни тѣмъ болѣе съ духомъ народа, этимъ языкомъ говорящаго, никакой положительно связи не имѣетъ. Чехи и поляки говорятъ на славянскихъ языкахъ, весьма близкихъ другъ ко другу и употребляютъ одинъ и тотъ же латинскій алфавитъ, а между тѣмъ такъ наз. духъ народный у этихъ двухъ славянскихъ народностей, столь близкихъ по происхожденію, языку и даже территоріи, совершенно различенъ. Внѣдреніе въ извѣстную народность извѣстнаго желаемаго духа путемъ принудительнаго введенія въ ея письменность извѣстнаго алфавита, если бы даже такое введеніе было возможнымъ, представляется государственнообщественной химерой самаго дикаго свойства. Подобная бредня о преображеніи всей культуры народной и измѣненіи духа его, ею обусловливаемаго, путемъ чисто механическимъ представляетъ собой грубѣйшій соціалогическій фетишизмъ, какой могутъ исповѣдывать лишь умы совершенно первобытные и абсолютно негосударственные. Между тѣмъ дикій фетишизмъ этотъ, будучи допущенъ къ практи-

ческому осуществленію, пораждаетъ самыя тяжкія послѣдствія какъ для народа литовскаго, такъ и для русскаго государства. Мы упомянули уже, что благодаря воспрещенію употребленія латинскаго шрифта въ литовской печати эта послѣдняя въ предѣлахъ Россіи, т. е. на всемъ почти пространствѣ этнографической Литвы, совершенно прекратилась и сосредоточилась на незначительномъ обрывкѣ этой послѣдней, находящемся въ предѣлахъ Пруссіи. Здѣсь выходятъ всѣ европейскіе литовскіе органы, главнѣйшими изъ которыхъ являются: консервативный ежемѣсячный журналъ Apszwolga (Обозрѣніе) и радикальный ежемѣсячный же журналъ Warpas (Колоколъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе нахаждается до двѣнадцати литовскихъ органовъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, а именно: Auszra, Unija lietuwiszkas, Lietuwiszkasis Balsas, Wienibe Lietuwniku, Garsas, Saule и другіе. Органы эти, издаваемые для американской Литвы, въ извѣстномъ количествѣ доходятъ и до Литвы прусской. Отсюда и именно изъ Тильзита идетъ прекрасно организованная доставка литовскихъ книгъ, журналовъ и газетъ въ Россію путемъ, конечно, нелегальной переправки ихъ черезъ русскую границу. Хотя доставка эта, найлучшимъ образомъ оргонизованная и доказываетъ безсиліе правительства въ борьбѣ съ цѣлымъ народомъ, оставляющимъ свои естественныя и элементарныя права, тѣмъ не менѣе однако подобное насильственное и противоестественое удаленіе центровъ и средоточій умственной жизни и интеллектуальной продукціи литовскаго народа на самую окраину его національной территоріи и въ особенности перенесеніе ихъ за океанъ

наноситъ несомнѣнно просвѣщенію и умственному прогрессу этого народа огромный вредъ. Что касается чисто государственныхъ послѣдствій подобнаго противуестесвеннаго хода литовскаго просвѣщенія, то о нихъ я скажу нѣсколько ниже.

Начиная съ XVI вѣка, почти втеченіе трехъ столѣтій имѣла Вильна, бывшая всегда культурнымъ средоточіемъ всей Литвы, свое высшее учебное заведеніе. Нынѣ, по закрытіи виленскаго университета въ 1833 году, Литва соотвѣтственнаго учебнаго заведенія втеченіе цѣлыхъ 63 лѣтъ уже не имѣетъ. Хотя въ правительственныхъ сферахъ въ Петербургѣ немало толковалось въ восьмидесятыхъ годахъ объ открытіи въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія, но все лишь безконечно разжевывался вопросъ, что именно открыть: университетъ или духовную академію? Хотя въ концѣ концевъ даже самые рьяные сторонники принудительнаго оправославленія края, совершенно неправильно именуемаго его обрусеніемъ, признали открытіе въ Вильнѣ православной духовной академіи совершенно несостоятельнымъ и невозможнымъ, тѣмъ не менѣе однако и до сего дня ничего неоткрыто и даже не готовится къ открытію. Между тѣмъ подобное лишеніе высшаго учебнаго заведенія края, имѣвшаго его втеченіе трехъ почти столѣтій, наноситъ о г р о м н ы й ущербъ его просвѣщенію и культурному прогрессу.

Вышеизложенными правительственными дѣйствіями, мѣрами и мѣропріятіями опредѣляется уже въ достаточной степени, хотя и косвеннымъ образомъ, отношеніе русскаго правительства и въ особенности мѣстныхъ его органовъ къ литовскому національному движенію, которое втеченіе тридцати слишкомъ лѣтъ

со времени освобожденія крестьянъ неизбѣжно такъ или иначе растетъ и крѣпнетъ. Правда, правительство это по собственной иниціативѣ признало маріампольскую и сувалкскую гимназіи въ Царствѣ Польскомъ за литовскія и ввело въ нихъ преподаваніе литовскаго языка вмѣсто польскаго, учредило десять стипендій для литовскихъ крестьянскихъ дѣтей изъ этихъ гимназій въ московскомъ университетѣ и всячески поддерживало пробужденіе литовскаго національнаго самосознанія въ литовской части сувалкской губ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, это самое правительство, литовское національное движеніе стремилось и старалось всячески втиснуть въ предустановленную формочку, столь малую и узкую, что всякое чрезъ нее проникновеніе оказывалось для него невозможнымъ. Само собою разумѣется, что по мановенію муравьевскаго циркуляра о воспрещеніи употребленія латинскаго алфавита въ литовской печати не переродилась вдругъ чудодѣйственнымъ образомъ вся вѣковая культура литовскаго народа и литовскія письмена не предстали вдругъ предъ генералами, управлявшими судьбами литовскаго края, въ казенномъ мундирѣ русской „гражданки“. Вся литература литовская до молитвенника включительно бѣжала за предѣлы русскаго царства и такимъ образомъ то самое литовское національное движеніе, которое правительство само же всячески старалось пробудить, расширить и укрѣпить въ литовской части Польши, имъ же самымъ было лишено возможности осуществленія и роста не только въ предѣлахъ его пробужденія, но даже и въ предѣлахъ имперіи вообще. Такъ государственные маньяки сами же одной рукой разрушаютъ и уничтожаютъ то, что

создаютъ другой. Манія эта черезъ чуръ дорого обходится. литовскому народу, ибо, не говоря уже объ утратахъ части интеллектуальнаго свойства, книги и газеты, ему доставляемые изъ Тильзита и даже изъ-за океана, въ общемъ стоятъ ему въ шесть разъ болѣе, нежели всякому иному народу въ Европѣ. Но мало того. Потребность въ чтеніи въ народѣ литовскомъ постепенно возрастаетъ, возрастаетъ изъ года въ годъ его численность и такимъ образомъ спросъ на литовскую книгу и газету безпрерывно увеличивается. Между тѣмъ все, что можетъ составлять духовную пищу народа, появилось въ свѣтъ въ послѣднее тридцатилѣтіе, появилось за предѣлами русскаго государства и въ его предѣлахъ является нелегальнымъ. Поиманные полиціей на чтеніи литовскихъ газетъ, журналовъ и книгъ подвергаются штрафамъ и арестамъ въ административномъ порядкѣ, причемъ съ нихъ берется подписка, что они впредь ихъ читать никогда не будутъ. Всякія литовскія изданія и даже молитвенники полиціей у народа отбираются, складываются въ архивахъ полицейскихъ управленій и затѣмъ періодически массами сожигаются. Эти чудовищные русскіе полицейскіе костры, на которыхъ горитъ и истребляется мысль и слово литовскаго народа, представляются несомнѣнно самыми острыми симптомами тяжкаго государственно-административнаго умопомраченія.

Представляются въ высокой степени любопытными, назидательными и важными отдѣльные фазисы и стороны этой острой правительственной маніи. Начиная съ Высочайше утвержденнаго 22 мая 1864 года положенія Западнаго комитета, во всемъ спеціальномъ русскомъ административномъ законодательствѣ, со-

зданномъ для Западнаго края втеченіе трехъ слишкомъ десятилѣтій, категорически и настойчиво проводится то основное общественное положеніе, что край этотъ есть край русскій, а не польскій и что поляки составляютъ въ немъ меньшинство совершенно ничтожное сравнительно съ многочисленной масой кореннаго населенія, малорусскаго, бѣлорусскаго и литовскаго, не принимавшаго никакого участія въ возстаніи. Хотя положеніе это, формулирующее лишь общеизвѣстный фактъ и по существу своему совершенно справедливое, можетъ приводить лишь къ увѣренности въ прочномъ единеніи края съ Россіей, тѣмъ не менѣе, до очевидности вопреки этому положенію, провозглашаемому самимъ же правительствомъ, край русскій тѣми же законоположеніями, для него же спеціально и созданными, подвергается самой суровой системѣ обрусенія и край, населенный малоруссами, бѣлоруссами и литвинами, край непольскій, подпадаетъ самой ужасной репрессіи въ видахъ изгнанія изъ него польскаго духа. Это изгнаніе, сильно таки смахивающее на изгнаніе нечистаго духа изъ какого-нибудь несчастнаго мужиченка въ какой-либо захолустной русской деревнѣ, продолжается уже свыше тридцати лѣтъ и естественно ни къ какимъ положительнымъ результатомъ не приводитъ. Нелѣпость представленія польскаго національнаго духа, какъ духа мятежа и сопротивленія властямъ, а русскаго духа, какъ духа благонадежности и преданности властямъ, мной уже объяснена и доказана. Равнымъ образомъ объяснена и доказана мной нелѣпость представленія о возможности какого-бы то ни было воздѣйствія на какой-бы то ни было духъ путемъ чисто внѣшнимъ, механичес-

кимъ, въ родѣ принужденія къ употребленію какого-либо опредѣленнаго языка или алфавита, если-бы это послѣднее даже и было возможно. Такимъ образомъ все населеніе края, которое, по утвержденію самого правительства, неоднократно заявленному, не принимало участія въ мятежѣ, подвергается тягчайшему угнетенію за мятежъ и по поводу мятежа и, будучи русско-литовскимъ, подпадаетъ спеціальной суровѣйшей системѣ обрусенія. Не ясно-ли до очевидности, что въ представленіяхъ русскихъ правящихъ сферъ о Западномъ и въ особенности Сѣверо-Западномъ краѣ царствуетъ полнѣйшій и изумительнѣйшій хаосъ, смѣшанный съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ и что русская спеціальная система управленія, созданная для этого края и на материкѣ Европы не имѣющая себѣ подобной, построена не на какихъ-либо опредѣленныхъ и дѣйствительныхъ общественныхъ основаніяхъ, а по просту таки на государственно-общественныхъ галлюцинаціяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Чрезвычайное правительственное давленіе, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ обрушившееся на Сѣверо-Западный край, по выдѣленіи изъ состава этого послѣдняго трехъ бѣлорусскихъ губерній и подчиненіи ихъ общему порядку управленія чрезъ обыкновенныхъ губернаторовъ, сосредоточилось спеціально на генералъ-губернаторствѣ виленскомъ, обнимающемъ одну почти этнографическую Литву. Такимъ образомъ надъ народомъ литовскимъ слишкомъ тридцать лѣтъ уже тяго-

тѣетъ бремя столь тяжкое, какого не несетъ на собѣ никакой другой народъ и никакой иной край въ русскомъ государствѣ и ни одна народность на всемъ материкѣ Европы. Минуя все то, что относится такъ или иначе къ высшимъ классамъ и слоямъ этой народности, обратимся непосредственно къ бѣглому воспроизведенію положенія литовскаго народа въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Народъ литовскій ищетъ свѣта знанія и стремится къ просвѣщенію. Но у него нѣтъ школъ, ибо школа, обоснованная на чужомъ и непонятномъ языкѣ и преслѣдующая притомъ преимущественно постороннія, вовсе необразовательныя цѣли, лишь мучитъ литовскихъ дѣтей и искалѣчиваетъ ихъ въ нравственномъ отношеніи. Собственными силами и средствами устраиваютъ отдѣльныя группы родителей-крестьянъ тайныя школы въ своихъ селеніяхъ, гдѣ бы ихъ бѣдныя дѣти могли обучиться грамотѣ на родномъ своемъ языкѣ. Здѣсь въ зимніе мѣсяцы года, когда нѣтъ полевыхъ работъ, украдкой обучаются эти голубоокія и свѣтловолосыя дѣтишки народа литовскаго, съ тайной тревогой поглядывая на дверь и вѣчно ожидая, что вотъ явится кто-то и всѣхъ ихъ отсюда разгонитъ. И этотъ кто-то появляется нерѣдко внезапно, нежданно-негаданно, въ эполетахъ, со звенящими шпорами, иной разъ съ такой страшной нагайкой въ рукахъ и всѣхъ ихъ разгоняетъ, тутъ же учителя ихняго арестуетъ и всѣ ихнія книжонки, столь для нихъ милыя и дорогія, захватываетъ и увозитъ куда-то съ собой. Но вотъ, пройдя чрезъ нѣсколько такихъ тайныхъ школъ, періодически излавливаемыхъ русской полиціей, литовскія дѣти научаются такъ или иначе читать и

писать на своемъ родномъ языкѣ. Когда они подростутъ, у нихъ является естественное желаніе почитать на языкѣ своемъ книгу, газету и т. д. и эта потребность въ чтеніи въ народѣ литовскомъ изъ года въ годъ возрастаетъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Тутъ снова внезапно появляется за ихъ спиной тотъ же кто-то, который такъ пугалъ когда-то ихъ дѣтское воображеніе блескомъ своихъ эполетъ, бряцаніемъ своихъ шпоръ и мрачнымъ видомъ своей нагайки, появляется, книгу либо газету, за которой кто пойманъ, отбираетъ и составляетъ протоколъ, изъ-за котораго и по которому пойманный въ проступкѣ чтенія и преступленіи самообразованія спустя нѣкоторое время платитъ штрафъ либо отсиживаетъ подъ арестомъ, давая при томъ особую подписку, конечно, вынужденную, что впредь никакихъ литовскихъ книгъ либо газетъ, изданныхъ за границей, читать не будетъ. Такъ какъ въ Россіи никакихъ литовскихъ изданій не выходитъ, то подписка эта равносильна обязательству совершенно не читать по литовски, которое очевидно невыполнимо. Этого же кого-то видитъ молодой литвинъ либо молодая литвинка, привыкшіе бояться его еще съ ранняго дѣтства, на площади ближайшаго большаго города, у огромнаго костра сожигающимъ ихъ народныя книги и газеты, отобранныя въ школахъ, при церквяхъ, въ деревняхъ и на дорогахъ. На кострѣ этомъ горитъ не только мысль и слово литовскаго народа, но и его кровавый трудъ, ибо за истребляемыя книги и газеты платитъ онъ въ шесть приблизительно разъ болѣе, нежели всякій другой народъ въ Европѣ.

Религія и въ особенности ея бытовыя отправленія

играютъ еще серьезную роль въ народной жизни вообще и въ жизни народа литовскаго въ частности. Крохотный голубоокій малютка этого народа видитъ уже, какъ тотъ же кто-то въ шпорахъ и эполетахъ, который нагрянетъ вдругъ внезапно въ его школу и захватываетъ его любимыя книженки, ломаетъ крестъ, поставленный отцемъ его на своемъ огородѣ, изъ-за того, что на немъ, этомъ деревянномъ крестѣ, было металлическое распятіе и какъ отецъ его еще платитъ за это штрафъ либо отсиживаетъ нѣсколько дней въ арестантской при полиціи. Любой литовскій юноша помнитъ еще, какъ крестные ходы совершались у нихъ въ самомъ селеніи, какъ потомъ стали они совершаться въ костельной оградѣ и какъ наконецъ по требованію полицейскихъ властей загнаны они внутрь костела, послѣ чего всегда видѣлъ и видитъ онъ эту нестерпимую духоту и давку въ большіе праздники, эти обмороки, членовредительства, искалѣченія и даже задавленія. Немало есть въ народѣ литовскомъ такихъ, которые участвовали въ погребеніи родственника или односельца и отдавая послѣдній долгъ усопшему, шли за гробомъ его въ этомъ медленномъ и благоговѣйномъ погребальномъ шествіи, какъ вдругъ стремительно въѣзжалъ въ него верхомъ полицейскій урядникъ и неистовымъ крикомъ заглушая и прерывая погребальное пѣніе, требовалъ прекращенія отпѣванія, воспрещеннаго генералъ губернаторскими циркулярами. Немало есть въ народѣ литовскомъ такихъ, которые пережили эти страшныя минуты очищенія вооруженной силой закрываемыхъ костеловъ отъ наполнявшаго ихъ народа. Подъ унылый звонъ колоколовъ, при слабомъ мерцаніи лампадъ, въ этомъ полумракѣ старин-

наго храма, сгущаемомъ клубами дыма кадильнаго и копотью потухшихъ свѣчей, разносятся изступленное пѣніе молитвъ, крики и вопли женщинъ и дѣтей, глухіе удары нагаекъ и палашей, стоны и проклятія сбитыхъ съ ногъ, смятыхъ и раненныхъ, трескъ изламываемыхъ скамеекъ, звонъ разбиваемыхъ оконъ, хрустѣніе и шуршаніе исковерканныхъ и изорванныхъ хоругвей и иконъ, трескъ изломанныхъ крестовъ, глухой лязгъ упавшихъ кружекъ церковныхъ, а потомъ, когда все это стихнетъ и этотъ старый сельскій храмъ крестьянской Литвы, опустошенный и обезображенный, на всегда опустѣетъ, тамъ невдалекѣ отъ него разносятся стоны и вопли этихъ самихъ крестьянъ подъ плетью, ихъ непосредственно карающей за сопротивленіе, за которое ждетъ ихъ еще впереди острогъ и судъ.

Народъ литовскій выдѣляетъ изъ себя интеллигенцію, которая естественно съ теченіемъ времени численно возрастаетъ. Между тѣмъ католическое вѣроисповѣданіе литовскому интеллигенту закрываетъ въ родномъ его краѣ двери во всѣ учрежденія, какъ государственныя и общественныя, такъ даже и частныя и доступъ ко всякимъ почти занятіямъ. По окончаніи своего образованія безплодно потолкавшись годъ-другой по разнымъ пріемнымъ и переднимъ, этотъ образованный сынъ литовскаго народа предаетъ проклятію это самое свое образованіе, оторвавшее его отъ одной среды и не дающее ему доступа въ другую. Это возрастаніе спеціально на Литвѣ интеллигентнаго пролетаріата представляетъ серьезное общественное явленіе, до сихъ поръ еще должнымъ образомъ не отмѣченное какой ты то ни было печатью.

Народъ литовскій нуждается наконецъ въ землѣ. Нужда эта въ послѣднее десятилѣтіе достигла степени самой крайней. Между тѣмъ пріобрѣтеніе земельной собственности для него разными произвольными и незаконными генералъ-губернаторскими распоряженіями до крайности затруднено. Въ то же время земли на Литвѣ щедро раздаются не только русскимъ чиновникамъ, но и такъ называемымъ русскимъ поселенцамъ, представляющимъ всякій сбродъ, выжитый изъ коренной Россіи и лишь пятнающій своимъ существованіемъ самое имя русскаго народа. Такимъ образомъ земля, составлявшая искони достояніе литовскихъ предковъ, орошенная потомъ и политая кровью цѣлыхъ поколѣній литовскихъ, у народа литовскаго отбирается и отдается разнымъ темнымъ проходимцамъ и прохвостамъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ этимъ новымъ для нихъ краемъ, ни даже со старымъ, откуда общества постерались выжить, чтобы навсегда отъ нихъ избавиться.

Таково современное положеніе литовскаго народа въ русскомъ государствѣ. При всей бѣглости и объективности моего изложенія невозможно было не убѣдиться до наглядности, что положеніе это представляется совершенно невыносимымъ. Лишаемый родной кормилицы-земли, лишенный даже элементарной школы на національномъ языкѣ, лишаемый не только права, но и какой бы то ни было фактической возможности чтенія и самообразованія на этомъ языкѣ, лишенный права и возможности добыть себѣ какой-либо честный трудовой кусокъ хлѣба, систематически тѣснимый, угнетаемый и преслѣдуемый русской полиціей, являющейся ангеломъ проклятія на всѣхъ пу-

тяхъ его крестьянской жизни и во всѣ роковые моменты его мужицкой доли, несчастный народъ этотъ ударился въ послѣднее время въ эмиграцiи и втеченіе кокого-нибудь десятка лѣтъ далъ Америкѣ около 250 тысячъ трудолюбивыхъ и способныхъ гражданъ, что составляетъ около 12 % всего народа. Но времена великаго переселенія народовъ безвозвратно миновали и весь народъ литовскій съ исконной, вѣковой своей территоріи естественно уйти не можетъ. Не смотря на выносливость и добродушіе этого народа, чаша долготерпѣнія его наконецъ переполнилась и стихійное броженіе, вызванное и созданное исключительно системой управленія его краемъ, въ послѣдніе годы, глухо подымаясь изъ глубины моря народнаго, волнами болѣе или замѣтными и осязательными пробѣгаетъ отъ одного конца Литвы до другаго. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ генералъ-губернаторъ виленскій генералъ-адъютантъ Альбединскій настоятельно представлялъ петербургскому правительству о совершенной невозможности продолжать эту систему управленія, созданную исключительно на время военнаго положенія края, указывая, что народныя массы въ краѣ, т. е. народъ литовскій, до нынѣ еще преданы пока правительству. Нынѣ 17-18 лѣтъ спустя послѣ того, какъ замѣчательныя настоянія генерала Альбединскаго о прекращеніи угнетенія и обездоленія народныхъ массъ этихъ осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, массы эти, представляющія народъ литовскій съ прибавленіемъ нѣкоторой части бѣлорусскаго, не только, вполнѣ согласно съ предсказаніями этого замѣчательнаго генералъ-губернатора, не преданы уже правительству, но даже пропитаны той глубокой, съ дѣтскихъ еще

лѣтъ слагающейся, всеобъемлющей и всепроникающей ненавистью къ правительству и его административно-полицейскимъ органамъ, которая, изъ года въ годъ возрастая, представляетъ собой нравственнообщественную силу самаго серьезнаго государственно-общественнаго значенія. Сила эта, какъ и всякая соціальная сила, постепенно органически слагающаяся и безпрерывно возрастающая, естественно ищетъ выхода и требуетъ разрѣшительныхъ акцій, по мѣрѣ ея накопленія все болѣе и болѣе сложныхъ и внушительныхъ. Эти безпрерывныя сопротивленія властямъ въ предѣлахъ виленскаго генералъ-губернаторства, принимающія все болѣе и болѣе грозный и стихійный характеръ, не взирая на все болѣе и болѣе свирѣпыя и кровавыя экзекуціи и все болѣе и болѣе строгія уголовныя кары, достаточно ясно указываютъ тотъ путь, по которому направляется эта грозная соціальная сила народнаго ожесточенія, негодованія и отчаянія. Втеченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ на самой границѣ съ могущественной германской имперіей, на на рубежѣ непосредственнаго соприкосновенія съ главой германскаго союза, Пруссіей, нарочито и какъ будто предумышленно созданъ для россійской Имперіи колоссальный врагъ въ лицѣ сплошнаго трехмилліоннаго почти народа, доведеннаго до отчаянія, который тутъ же, рука объ руку имѣетъ въ тойже Пруссіи двухсоттысячнаго роднаго брата, находящагося сравнительно съ нимъ въ прекрасномъ положеніи. Будущій историкъ русскаго государства съ изумленіемъ остановится на переживаемой нами тридцатилѣтней эпохѣ. Судя по фактамъ, заключитъ онъ, что какой-то тайный и вѣроломный врагъ съумѣлъ и успѣлъ создать для

Россіи колоссальную враждебную силу на самой ея границѣ съ могущественнѣйшимъ государствомъ Европы, ея антагонистомъ. Углубляясь далѣе въ изученіе эпохи нашей, убѣдится онъ, изумленный и пораженный, что враждебная сила эта создана не на какимъ-либо врагомъ государства русскаго, тайнымъ и вѣроломнымъ, а кликой русскихъ же государственныхъ людей, именующихъ себя великими патріотами и спасителями отечества. Вдумываясь серьезно въ эту эпоху, сознаетъ и пойметъ онъ, этотъ будущій историкъ русскаго государства, что государственные дѣятели этой клики были въ лучшемъ случаѣ общественно-политическими маньяками, подлежавшими помѣщенію въ лѣчебницу государственносоціологическаго помѣшательства, если бы таковая существовала, а нерѣдко, что еще прискорбнѣе, по просту государственными шантажистами, при помочи разныхъ ложныхъ страховъ, ими измышляемыхъ, выманивавшими деньги у петербургскаго правительства, стараясь всѣми силами поддержать и продлить систему управленія, дававшую имъ безъ всякаго съ ихъ стороны труда огромные оклады жалованья, положеніе, чины и ордена.

Но помимо государственной есть въ этомъ дѣлѣ еще другая сторона, едва-ли не болѣе еще важная — сторона народная. Народъ литовскій, какъ и многіе другіе народы Европы, находится нынѣ въ періодѣ роста національнаго самознанія и движенія. Онъ стремится создать свою національную литературу, свое національное просвѣщеніе и даже свою національную католическую церковь. Назначеніе на Литву и Жмудь епископовъ нелитовской народности нынѣ вызываетъ уже смутное неудовольствіе всѣхъ почти слоевъ ли-

товскаго народа, потому въ особенности, что епископы эти не могутъ говорить къ народу на его родномъ языкѣ. Вся вѣковая исторія литовскаго народа, которому, какъ мы выяснили уже выше, была Русь въ свое время не мало обязана своей культурой и просвѣщеніемъ, сложилась такимъ образомъ, что литовское національное движеніе не только не могло быть враждебнымъ народности русской, но даже въ семидесятыхъ годахъ, когда средоточіемъ его явилась литовская часть коренной Польши, отличалось замѣтнымъ руссофильствомъ. Однако необычайное угнетеніе, тяготѣющее надъ найбольшей частью этнографической Литвы, составляющей генералъ-губернаторство виленское, н е м о г л о не измѣнить общаго направленія и характера литовскаго національнаго движенія. Если масса народа литовскаго обезправлена и обездолена именно изъ-за ея католическаго вѣроисповѣданія; если земли на Литвѣ, это вѣковое достояніе литовскихъ предковъ и всѣ занятія, народу доступныя, раздаются разному русскому сброду единственно изъ-за его православія, которое онъ лишь компрометтируетъ; если національный шрифтъ, вросшій въ жизнь народную, запрещенъ и преслѣдуется именно ради принужденія къ употребленію и навязанія шрифта русскаго; то эти отдѣльные элементы русской народности, являющіеся источникомъ и непосредственной причиной литовскихъ народныхъ страданій, невольно и неизбѣжно вызываютъ въ этомъ страдательномъ народѣ недовѣріе и враждебность, незамѣтно переносящіяся отъ отдѣльныхъ элементовъ этой русской народности ко всему ея содержанію и облику вообще, между тѣмъ какъ литовскій католицизмъ, нынѣ также обнаружи вающій тенденцію

къ національзаціи, будучи преслѣдуемъ въ народныхъ массахъ совмѣстно со стремленіями національными, незамѣтно же и неизбѣжно сливается съ прочими элементами литовской народности въ одно общее содержаніе этой народности, становящееся для нея предметомъ беззавѣтной преданности и восторженнаго поклоненія, безпрерывно возрастающими до степени національностралательнаго фанатизма. Такимъ образомъ исскуственно и насильственно создается въ народѣ литовскомъ, вопреки всему ходу вѣковой исторіи этого народа, религіозномистическій національзмъ, враждебный русской народности. Этотъ религіозномистическій литвинизмъ, исскуственно и насильственно вызванный и созданный чудовищными порядками, заведенными на Литвѣ со временъ государственнаго суевѣра Муравьева, находящійся еще нынѣ въ періодѣ своего образованія, совершенно тождественъ и аналогиченъ съ такъ называемымъ полонизмомъ, столь устрашающимъ русскія правительственныя сферы и долженъ естественно пойти параллельно съ этимъ послѣднимъ. Это насильственное и исскуственное направленіе литовскаго національнаго движенія въ сторону, враждебную русской народности, представляется болѣе важнымъ, нежели ожесточеніе литовскаго народа противъ русскихъ правительственныхъ властей, ибо ему придется сыграть со временемъ въ судьбахъ русской гражданственности и государственности болѣе важную роль, нежели этому послѣднему.

Спрашивается: когда же наконецъ здравый русскій смыслъ и чуткая русская совѣсть восторжествуютъ надъ дикими затѣями государственнообщественныхъ маньяковъ и вѣроломными продѣлками государствен-

ныхъ шантажистовъ, не только нанесшими неисчислимый вредъ русскому государству и подрывающими его силу, достоинство и значеніе, но и пятнающими самое имя русскаго народа?

КОНЕЦЪ.